

РАСПУТИН И ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ.

При той политической системе, когда государственная власть России принадлежала Распутину и окружавшим его банковским дельцам, не должно показаться странным, что влияние этих лиц сказывалось не только в различных областях внутренней и внешней политики, но даже и на руководстве военными действиями царской армии.

Тем моментом, с которого Распутин близко стал к военному командованию, была смена верховных главнокомандующих, уже рассмотренная нами подробно. Говоря об этой смене, мы, между прочим, отметили, что она вполне соответствовала не только желаниям Распутина с А. Ф. Романовой, но и интересам германских империалистов, которые небезосновательно рассчитывали, что новый «верховный» Николай II будет удобным объектом для различных «папифистских» влияний, чего ни в каком случае нельзя было бы сказать об его предшественнике.¹

Ведя кампанию против вел. кн. Николая, Распутин, и А. Ф. Романова, естественно, сочли нужным постараться также и о том, чтобы обеспечить Николая-царя от нежелательных влияний и со стороны других чинов «ставки». В этом отношении заслуживает внимания эпизод с генералом Даниловым («черным»), генерал-квартирмейстером штаба вел. кн. Николая.

В то время, как известно, везде искали шпионов: в связи с этим особые подозрения возбуждала как раз среда, окружавшая Распутина и А. Ф. Романову. Последняя, не желая

¹ Заметим, что в русской военной литературе смена в. к. Николая Николаевича рассматривается, как «большая нравственная победа» Германии — см. А. М. Зайончковский. «Мировая война 1914 — 1918 гг.» стр. 216. М. 1924. Военная Академия РККА.

остаться, видимо, в долгу, начала сама разыскивать шпионов, — и таким неожиданно оказался упомянутый нами генерал Данилов. А. Ф. сообщала об этом Николаю в письме от 14 июня 1915 г., правда не лично от себя, а со слов вел. кн. Павла Александровича. «Друг мой, — прибавляла к этому сообщению А. Ф., — Воейков¹ хитер и умен, поговори с ним об этом и вели ему умно и осторожно следить за этим человеком (Даниловым). Конечно, как Павел² говорит, у нас теперь мания на шпионов — но все же, раз такое сильное подозрение возникло, раз делается известным за границей все, что могут знать лишь близкие посвященные лица в ставке, Павел счел своим долгом спросить меня, упоминал ли ты мне об этом. Я ответила, — прибавляет она, — что нет. Только не говори об этом Николаше,³ пока не будешь иметь достаточно материала, так как он все может испортить своей горячностью и сказать Данилову все в лицо, или не поверить».⁴

В одном из следующих писем, сообщая Николаю о слухах, распространившихся относительно мирных предложений, сделанных германцами через Васильчикову, А. Ф. вновь напоминает Николаю о «шпионстве» Данилова:

«Говорил ли ты с Воейковым относительно Данилова? — спрашивает она в письме от 16 июня. — Прошу тебя, сделай это. Только не говори об этом с толстым Орловым,⁵ который приятель Н.⁶ Они постоянно в переписке, когда ты бываешь здесь. — Воейков об этом знает. Это все не к добру. Он не одобряет посещения Григорием⁷ нашего дома, и поэтому хочет удержать тебя в ставке, вдали от него. Если бы они только знали, как они тебе вредят, вместо того, чтобы помочь — слепые люди, со своей ненавистью к Григорию».⁸

Но, Николай, несмотря на такие настойчивые указания на «шпионаж» Данилова, не склонен был поверить на этот раз А. Ф. и Распутину: «Что касается Данилова, — писал он жене 16 июня, — то

¹ Дворцовый комендант.

² В. кн. Павел Александрович.

³ В. кн. Николай Николаевич.

⁴ «Переписка», т. III, стр. 212.

⁵ Орлов — начальник походной канцелярии, вскоре после этого переведенный на Кавказ.

⁶ Николай Николаевич.

⁷ Распутин.

⁸ «Переписка», т. III, стр. 222, письмо от 16 июня.

я думаю, что мысль о том, будто он шпион, не стоит выеденного яйца».¹ Впрочем, как вполне ясно видно из следующего письма А. Ф. суть дела тут была вовсе не в шпионстве: «Все говорят, что он держит в руках Н. и других вел. князей»² — пишет про Данилова, вскоре после этого, А. Ф. и этим раскрывает истинную причину брошенных против него раньше подозрений.

Таким образом, борьба Распутина и А. Ф. против генералов Данилова, Орлова, Брусилова³ и других вызывалась, несомненно, желанием возможно лучше расчистить «ставку» от всех тех лиц, которые могли влиять на Николая, вопреки целям распутищев. Позднее ими велась кампания и против фактического верх. главнокомандующего — генерала Алексеева, но об этом мы скажем ниже.

Перейдем теперь к вопросу о влиянии Распутина и А. Ф. Романовой на руководство военными действиями русской армии.

Вмешательство Распутина в военные операции отражается неоднократно даже в переписке Романовых. При этом, надо отметить, что Распутин принимал, видимо, во внимание психическую их поврежденность и предпочитал потому давать свои стратегические директивы в особой форме «ночных видений», «снов» и т. п., — и уже такая форма, приноровленная к умственному складу Романовых, могла иметь на них, — как знал это Распутин, — свое решающее воздействие.

Вот что, например, в связи с положением на северном фронте, в ноябре 1915 г. советовал Распутин Николаю:

«Теперь, чтоб не забыть, — писала А. Ф. мужу, — я должна передать тебе поручение от нашего Друга, вызванное Его ночным сновидением. Он просит тебя приказать⁴ начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо, а то германцы там твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови, и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застигнем их врасплох и добьемся, что они отступят. Он говорит, что именно теперь это самое важное, и настоятельно просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать. Он говорит, что мы можем и должны это сделать, и просит меня немедленно тебе об этом написать».⁵

¹ «Переписка», т. III, стр. 223.

² Там же, т. III, стр. 225, письмо от 22 июня.

³ Это см. в письме А. Ф., от 23 августа («Переписка», т. III, стр. 258).

⁴ Подчеркнуто везде А. Ф.

⁵ «Переписка», т. III, стр. 459, письмо от 15 ноября 1915 г.

Можно было бы привести ряд примеров подобных советов; иногда их давала и сама А. Ф., повидимому, лично от себя. Так, 12 сентября 1915 г., она писала Николаю:

«Неужели правда, что мы опять в 200 верстах от Львова? Нужно ли нам торопиться вперед, и не повернуться ли нам и раздавить немцев?».¹

Тут практическое значение имела, собственно, только первая часть совета — не торопиться с наступлением ко Львову; что касается второй, то она была трудно выполнима, и, прежде всего, потому, что, если бы армия «повернулась», то к русской границе, — где, конечно, никаких немцев не было.

Но особенную энергию проявил Распутин, совместно с А. Ф., во время летнего брусилковского наступления 1916 года. Этот вопрос мы рассмотрим подробно, так как роль здесь этих лиц во многих отношениях характерна.

Первый отклик на это мы находим в письме А. Ф. к Николаю от 4 июня 1916 г., — А. Ф. пишет:

«Аня² забыла сказать тебе, что наш Друг посылает благословение всему православному воинству. Он просит, чтобы мы пока не наступали слишком усиленно на севере, потому что, по его словам, если мы будем продолжать иметь успех на юге, они сами отступят на севере, или предпримут там наступление, и тогда их потери будут очень велики, — если мы начнем там наступать, наши потери будут очень тяжкими». ³ «Он, — прибавляет А. Ф., — предлагает это, как совет», то-есть от себя, а не как «ночное видение», — и потому, значит, этот совет можно принять, а если решатся, то и не принять. Но даже и «советы» Распутина имели для Романовых «божественное» значение, а потому посмотрим, какой смысл мог иметь этот совет.

То наступление, которое было в мае 1916 г. предпринято армиями юго-западного фронта (Брусилова), должно было быть связано с о б щ и м н а с т у п л е н и е м русской армии, то-есть в нем, помимо юго-западного фронта, должны были принять участие армии также южного и северного фронта. Таков был стратегический план, выработанный на военном совете, состоявшемся в апреле, и одобренный Николаем. Предполагалось быть гото-

¹ «Переписка», т. III, стр. 341.

² Т.-е. Вырубова.

³ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 108.

вым к выполнению этого плана 1 мая; однако, начало операций несколько задержалось, и срок общего наступления был определен в конце мая и даже в первых числах июня.¹ Но уже с 7 мая итальянское командование стало обращаться в русский штаб, в виду упорных атак на итальянскую армию австрийцев, с просьбами об ускорении наступления русских армий, и даже о немедленном выполнении этого; эти просьбы, — как отмечает ген. Алексеев, — были «близки к требованиям». Вследствие этого было решено ускорить наступление, но это ускорение, — по словам Алексеева, — не должно было, однако, «изменить общего плана наших действий, уже намеченного и одобренного на совещании 1 апреля».

Однако, — как пишет ген. Брусилов,² — 21 мая ген. Алексеев его уведомил, «что главноверх (т. е. Николай II) желал бы отсрочить атаку недели на две, с тем, чтобы переменить в корне систему моего (т. е. Брусилова) наступления,³ т. е., чтобы все армии стояли на местах, атаку же произвести только одной 8-й армией, направленной на Ковель».⁴

Брусилов ответил, что предлагаемая ему система атаки лишь на одном фронте «уже многократно испытывалась у нас и на Западе, французами, англичанами, и немцами у Вердена, и везде одинаково терпела неудачу», а потому применять ее он не хочет и просит его сменить; так как Николай в момент получения этого ответа «лег спать», то Алексеев, после некоторых возражений, разрешил Брусилову действовать по его усмотрению, — и 22 мая он начал атаку противника (как это было первоначально решено).

Брусилов, вместе с тем, «для пользы общего дела всего нашего фронта, а не одного южного фронта, полагал целесообразным настоятельно требовать перехода в решительное наступление западного и северного фронтов», и тем более, что «все средства для главного удара были у западного и часть у северного фронтов».

¹ Излагаем это по тексту доклада Алексеева Николаю II, от 13 мая 1916 г. — С подлинника.²

² «Из записок А. А. Брусилова» — журнал «Россия». 1924 г. № 3 стр. 137 — 142. — Брусилов сообщает также, что, в случае отказа от немедленного перехода в наступление русской армии, Италия угрожала «заключить сепаратный мир» (стр. 138).

³ Везде подчеркнуто нами.

⁴ 8-я армия находилась на юго-западном фронте (Брусилова).

В результате, что касается западного фронта, то он, хотя и произвел наступление, но с запозданием, почему потерпел крупную неудачу, что же касается северного фронта, то о нем, — по словам Брусилова, — «не стоит и говорить: никому и ничем он не помог».¹

Возвращаясь теперь к совету Распутина. Указывая на то, чтобы усиленно не наступали на севере, Распутин, в сущности, подавал свой авторитетный голос за разрушение всего плана общего наступления, так как именно в это время северный фронт (равно как и южный) должны были начать энергичные действия. Правда, сам Николай, еще ранее, 21 мая, высказывал желание «переменить в корне» намеченный план наступления; но есть основания думать, что и эта мысль Николая шла от того же Распутина: свое мнение об изменении общего плана наступления Николай высказал от себя (а не по инициативе Алексеева) лишь через четыре дня после того, как в течение нескольких дней он пробыл вместе с приезжавшей в ставку женой,² и, следовательно, уже тогда знал все взгляды на этот счет Распутина; последнему же, очевидно, план наступления был сообщен, как это и всегда делалось, сразу же после того, как он был разработан.

Брусиловское наступление и в дальнейшем своем развитии тесно связано со «стратегическими» советами Распутина, — это мы сейчас и покажем.

С конца июля 1916 г. Распутин начинает вести кампанию в пользу уменьшения интенсивности, а затем — и окончательного прекращения наступления.

«Он, — пишет А. Ф. Николаю 25 июля, — находит, что было бы лучше не наступать слишком настойчиво, так как потери будут чрезмерно велики, — нужно быть терпеливым и нечего форсировать, так как в конце концов мы все получим, можно наступать очертя голову и закончить войну в два месяца, но тогда тысячи жизней будут принесены в жертву, а терпением также дойдешь до цели и не будет пролито столько крови».³

¹ Надо, однако, заметить, что главнокомандующий северным фронтом Куропаткин пессимистически относился с самого начала к возможности наступления своего фронта, хотя позднее признал, что надежда на успех «все-таки есть». («Из записок Брусилова», стр. 137.) Мы пользуемся также работами А. М. Зайончковского: «Мировая война 1914—1918 гг.» (1924 г.) и «Стратегический очерк войны», часть VI (Высший Редакционный совет. М., 1923 г.).

² Это было с 5 по 17 мая.

³ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 150.

На войне чужды эти гуманные, христианские соображения, и военный штаб едва ли бы согласился с желанием Распутина. Поэтому нужно было лично воздействовать на Николая, и А. Ф. в июле и августе три раза ездила в «ставку». Для большего успеха миссии, Распутин велел взять туда и Вырубову: «... скажи мне, — писала А. Ф. Николаю 25 июня, — могу ли я ее экстренно привезти с собой — наш Друг так этого хотел; она тоже принесла бы войскам счастье, как, по Его словам, приносит счастье твоя женка, когда она туда ездит».¹

Во время этих свиданий в «ставке» Николай был, очевидно, соответствующим образом обработан, а генерала Алексеева А. Ф. хотела подкупить путем передачи ему иконы от Распутина; вместе с тем Николай должен был объяснить Алексееву все великое его значение.

Возвращаясь из первой за это время поездки в ставку, А. Ф. в письме к Николаю (от 3 августа) подтверждала совет Распутина, чтобы «они не спешили вперед», и вместе с тем замечала:

«Если только Алексеев принял образ, посланный нашим Другом, в надлежащем духе, то Бог, наверное, благословит его работу. Не бойся называть имя Григория, говоря с ним, — благодаря Ему ты остался тверд и год тому назад принял командование, когда все было против тебя, — скажи ему это, и он поймет тогда Его мудрость, и Расскажи о многих удивительных случаях, когда спасались чудесно, кто Его знает и о ком Он молился во время войны, не говоря уже о Беби² и Ане».³

Поездка в это время А. Ф. в «ставку» и настояния ее о приостановке брусиковского наступления имели, несомненно, свой особый смысл. Дело в том, что как раз приблизительно в это время — в начале июля — состоялось «стокгольмское свидание», о котором, надо думать, сразу же были осведомлены и Распутин и А. Ф. 6 июля она прибыла в ставку, а уже на следующий день, 7-го, Николай подписал указ об отставке Сазонова (чего так давно добивалась А. Ф.) и о назначении на его место Штюмерера. Хронологическая близость «стокгольмского свидания» с назначением Штюмерера позволяет думать, что оба эти момента стоят в логической связи.

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 133.

² Наследник Алексей.

³ «Аня» — Вырубова — «Письма А. Ф.», т. II, стр. 131.

Распутинская власть в обоих этих случаях подчеркивала свое желание встать на «мирные» позиции. При таком положении, в условиях империалистической войны, могло быть две военных тактики: или постараться до начала мирных переговоров забрать как можно большее количество территории, находившейся в руках противника, — или же, наоборот, — не производить энергичных активных действий, приостановить наступление, и тем наглядно показать противной стороне свою выжидательную позицию.

«Ставка», верховное командование (если не считать колебавшегося в обе стороны Николая) придерживалась первой позиции, Распутин и А. Ф. Романова — второй.

В этом, видимо, и заключается сущность тех мотивов, по которым распутинская группа настаивала на уменьшении интенсивности наступления, а позднее — и на полном его прекращении.

После тех первых указаний Распутина, которые были сделаны им в этом отношении и выше нами приведены, распутинская кампания развивалась так:

8 августа 1916 г. А. Ф. пишет Николаю.

«Наш Друг надеется, что мы не будем переходить Карпаты и не попытаемся овладеть ими, так как Он повторяет, что потери опять будут слишком велики».¹

Это было, конечно, умеренное желание, но, видимо, требовать большего было неудобно. Занятый в это время различными «делами» — Рубинштейна, Манасевича-Мануйлова, Сухомлинова и проч., — Распутин в течение некоторого срока не давал военных указаний. Лишь 23 сентября мы находим в письмах А. Ф. такое сообщение:²

«Наш Друг, — пишет она, — говорит по поводу новых приказаний, которые ты дал Брусилову и т. д.: «Очень доволен распоряжением Папы, видит³ хорошо». Он об этом никому не скажет, но мне пришлось испросить Его благословения для твоего решения».⁴

«Папа», то-есть Николай, отдал распоряжение остановить наступление — этим и был «очень доволен» Распутин.

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 156.

² Надо сказать, что А. Ф. в течение предшествующего времени с 22 августа по 3 сентября была в «ставке».

³ Очевидно — «выйдет».

⁴ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 197.

Это удовольствие также имело свой смысл. Дело в том, что как раз перед этим распутинская группа добилась новой «пацифистской» удачи: 16 сентября Протопопов был назначен министром. Это очень усиливало «пацифистские» позиции и прекращение наступления именно в этот момент было особенно своевременным.

Однако... наступление продолжалось. Это вызвало, естественно, — неудовольствие Распутина. 24 сентября А. Ф. писала Николаю:

«Душка, наш Друг очень недоволен тем, что Брусилов не послушался твоего приказа остановить наступление. Он говорит, что ты вдохновлен свыше отдать это приказание, и насчет перехода через Карпаты до зимы, и Бог это благословит — теперь, Он говорит, опять будут бесполезные потери».¹

На следующий день, 25 сентября, А. Ф. высказывается еще решительнее:

«Ах, отдай приказание Брусилову остановить эту бесполезную бойню... Младшие чувствуют, что у вождей их также нет никакой веры в успех там, зачем повторять безумия германцев под Верденом. Твои планы были так мудры, их одобрил наш Друг — Галич, Карпаты, Dorna Vatra, Румыны. Держись за это. Ты ведь «главный директор», все тебя поблагодарят на коленях и наша славная гвардия. Эти боится наступления — открытые пространства, невозможно скрываться, мало лесов, скоро листья осыпятся и уже для наступления не будет спасительного прикрытия. Пришлось посылать людей далеко в обход болот — запах там ужасен — их товарищи остались без погребения... Наши генералы не считают «жизней» — они закалены и привыкли к потерям, — а это грех, — когда уверен в успехе, то другое дело. Бог благословил твою мысль, пусть она будет выполнена — пощади эти жизни».²

В письме от 26 сентября А. Ф. вновь повторяет, что «наш Друг волнуется», по поводу того, что Брусилов не послушался Николая, и тот уступил.³

Николай представил жене относительно этого какие-то оправдания, и тогда, 25 сентября, она писала:

«Спасибо, дорогой, за объяснения насчет Брусилова — раньше я не вполне понимала, в чем дело. Во всяком случае,

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 197.

² Там же, т. II, стр. 149.

³ Там же, т. II, стр. 203.

наш Друг говорит, что следует поступать по твоим идеям, первая твоя мысль наиболее правильная».¹

Наконец, в письме от 12 октября, А. Ф., проведя перед этим десять дней в ставке и уезжая из нее, снова взывает:

«Ах, мой муженек, останови это бесполезное кровопролитие — почему они лезут словно на стену, надо выждать удачный момент и не идти вперед и вперед».

При этом А. Ф. упрасивает мужа приехать к ней, в Царское: «Тебе, — уговаривает она, — не нужно будет принимать никого другого, кроме Протопопова, — это было бы хорошо, — или опять пошли за ним, пусть он чаще говорит с тобой, спрашивает твоего совета, говорит тебе свои намерения...».²

Затем в письме от 15 октября А. Ф. высказывала Николаю свое удовольствие относительно тех указаний, которые он дал Протопопову:

«Я рада, — писала она, — что ты сказал П., чтобы он поговорил с Г. и Б.».³ Вот три вершителя судеб «войны и мира»: П., Г., Б. Это — Протопопов, Распутин и, видимо, Бадмаев. У этой «тройки» были и ключи к сепаратному миру.

Надо, однако, указать, что, при отмеченных выше своих вмешательствах в дела верховного командования, Распутин и А. Ф. Романова встречали обычно противодействие со стороны начальника штаба Николая ген. Алексеева, фактического руководителя военных действий. Распутинская икона, видимо, не оказала на него своего чудотворного действия. В таком случае А. Ф. и Распутину не оставалось ничего иного, как постараться убрать и Алексеева, подобно тому, как раньше был убран в. к. Николай. Поводом для возбуждения у Николая недоверия к Алексееву послужила «переписка» его с Гучковым, то-есть, в сущности, два-три письма о разных злоупотреблениях в военном ведомстве, написанных Гучковым начальнику штаба «верховного».

«Я читала, — пишет А. Ф. 21 сентября 1916 г., — копию двух писем Гучкова к Алексееву и попросила начисто переписать одно из них, — ты увидишь, какой он ⁴ негодай. Теперь я понимаю, почему Алексей злобствует против всех министров после каждого письма (видно, что их было много): он расстраивает бедного Алексеева, и потом те факты, кото-

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 207.

² Там же, т. II, стр. 212.

³ Там же, т. II, стр. 213.

⁴ Гучков.

рые он приводит, очень часто умышленно извращены для А.¹ Все министры чувствуют его антагонизм в ставке, и теперь они понимают, откуда это. Когда я пошлю тебе письмо, ты должен иметь серьезный разговор с Ал., так как этот негодяй² подрывает все правительство в глазах А., — это в самом деле низость и в 40 000 000 раз хуже, чем все то, что мог написать Пален своей жене. Нужно вырвать Алексеева у Гучкова с его скверным коварным влиянием». ³

Эта кампания, проводившаяся и в ряде следующих писем, протекала в те самые дни, когда Распутин требовал приостановки наступления, которое, однако, вопреки указаниям Николая, продолжалось, очевидно, по настоянию Брусилова и, главным образом, Алексеева. В этот момент последний был особенно неприятен распутинской группе: именно потому, конечно, и начат был против него поход.

В позднейшем письме (от 5 ноября 1916 г.) А. Ф. делает относительно Алексеева такой вывод:

«Работа человека, который так страшно настроен против нашего Друга, как бедный Алексеев, не может быть благословенной». ⁴

А уже через три дня читаем в тех же письмах:

«Это совершенно правильно, что Алексеева посылают для хорошего отдыха в Крым, это для него абсолютно необходимо: спокойствие, воздух и настоящий отдых». ⁵

К этому надо прибавить, что сам Николай, видимо, затруднялся отстранить Алексеева, но на это дарю было дано еще ранее соответствующее разъяснение от Распутина.

«Он, ⁶ — писала А. Ф. Николаю 15 сентября, — сказал, чтобы я тебе передала, что ты не должен смущаться, когда ты смещаешь генерала, от мысли, что он может быть невиноват, — ты всегда впоследствии можешь его простить и опять принять на службу, а ему никогда не повредит, что он пострадал, так как это внушает ему страх божий». ⁷

Заместителем Алексеева был назначен ген. Гурко. Но А. Ф. и тут сочла нужным предупредить Николая: «Не забудь запретить

¹ Алексеева.

² Гучков. О переписке Гучкова с Алексеевым А. Ф. предупреждала мужа и за три дня ранее, 18 сентября («Письма А. Ф.», т. II, стр. 184).

³ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 189.

⁴ Там же, т. II, стр. 229.

⁵ Там же, т. II, стр. 232.

⁶ Распутин.

⁷ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 181 — 182.

Гурко разговаривать или вмешиваться в политику — это погубило Никол(ашу) и Алекс(еева); последнему Бог послал эту болезнь, очевидно, для того, чтобы спасти тебя от человека, который потерял свою дорогу и вредил тем, что прислушивался к дурным письмам и людям, вместо того, чтобы слушаться твоих приказаний насчет войны, и не быть упрямым».¹

Генерал Гурко («не разговаривал») и был мало подготовлен для своей роли — цель Распутина и А. Ф. Романовой была достигнута.

Такова, в общих чертах, была вырисовывающаяся из писем Романовых история вмешательства Распутина в руководство русской армией во время наступления 1916 года.

Распутин и А. Ф. давали эти стратегические советы не наугад: как мы уже видели из их роли в брусилковском наступлении, они были отлично осведомлены о военном положении. Вообще Николай, находясь в ставке, постоянно сообщал об этом в своих письмах к жене. Это можно видеть, например, из письма его к А. Ф. от 31 августа 1915 г.:

«Теперь, — пишет Николай, — несколько слов о военном положении: оно представляется угрожающим в направлении Двинска и Вильны, серьезным в середине к Барановичам и хорошим на юге (ген. Иванов), где наши успехи продолжаются. Серьезность заключается в страшно слабом состоянии наших полков, насчитывающих менее четверти своего состава; раньше месяца их нельзя пополнить, потому что новобранцы не будут подготовлены, да и винтовок очень мало. А бои продолжаются и вместе с ними потери.

«Тем не менее прилагаются большие старания к тому, чтобы привезти какие возможно резервы из других мест к Двинску, чтобы отбить неприятеля от этого места. Но, опять-таки, на наши железные дороги уже нельзя полагаться так, как раньше. Только к 10 или 12 сентября будет закончено это сосредоточение, если, Боже упаси, неприятель не явится туда раньше».

Написав все это, Николай вдруг спохватывается, — он прибавляет:

«Прошу, любовь моя, не сообщай этих деталей никому, я написал их только тебе».²

«Никому», но, конечно, кроме Распутина. А это может означать многое... Чтобы показать какой смысл это могло иметь, мы приведем один пример.

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 243, письмо от 4 декабря.

² «Переписка», т. III, стр. 290.

В своих показаниях, данных в Следственной комиссии Временного правительства, бывший директор департамента полиции Белецкий говорит, между прочим, о том, как были обставлены поездки Николая II на фронт:

«Поездки эти, — сообщает Белецкий, — были обставлены так легко, что о них было известно в Германии; там знали маршруты царских поездов. Так, например, в ноябре, когда государь ехал с наследником на фронт, агентура западного фронта сообщила, что на участке за Бахмачем должна быть брошена бомба с немецкого аэроплана. Поезд шел со станции Сарны. Немецкий аэроплан шел навстречу. У них в распоряжении имелись сведения о маршрутах царских поездов, даже по часам, что я впоследствии проверил. Я поставил в известность генерала Воейкова, чтобы эти поезда лучше скрывались от них. Получив определенные сведения, я прекратил телефонные сношения и дал срочную телеграмму Воейкову, чтобы он боялся этого пролета. Произошла случайность: у наследника случилось кровоизлияние из носа, и поезд, повернув назад, срочно отправился в Царское. Но в тот самый час, на этом пролете, с высоко стоящего немецкого аэроплана была действительно брошена бомба во вспомогательный поезд, который идет впереди царского. Я по этому случаю составил записку и передал в ставку генералу Алексееву».¹

Итак, мы имеем указание Белецкого, что в Германии были точно известны маршруты царских поездов. Надо заметить, что Белецкий, в отличие от большинства других деятелей старого режима, давал свои показания очень откровенно и правдиво. И сообщенный здесь им факт находит себе подтверждение в том, что эпизод с внезапной болезнью наследника Алексея и поворотом, вследствие этого, царского поезда действительно произошел. Это видно, между прочим, из переписки Н. и А. Романовых. 3 декабря 1915 года Николай, находясь в поезде, в пути на южный фронт, дал следующую телеграмму своей жене:

«Вследствие простуды у Алексея целый день с перерывами было кровотечение из носа. Решил, по совету Федорова,² вернуться в Ставку. Буду очень рад, если ты приедешь провести 6 декабря³ вместе. Крепко обнимаю.

Николай».⁴

¹ 2-е показание Белецкого в Следств. комиссии.

² Придворный врач.

³ День именин Николая.

⁴ Подана 3 декабря в 10 ч. 10 мин. пополудни, принята в Царском Селе 4 декабря в 12 ч. 5 мин. полуночи. («Переписка», т. III, стр. 485.)

Эта телеграмма была подана со станции Мена Либаво-Роменской железной дороги: Мена находится весьма близко от указанного Белецким Бахмача.¹

В телеграмме Николай он, как видим, сообщая о болезни наследника и возвращении, вследствие этого, из поездки, вместе с тем приглашает жену приехать к 6 декабря в «ставку», — однако, потом этот план был изменен, и Николай решил сам вернуться к этому дню в Царское.

Таким образом, мы можем видеть, что Белецкий указал, в общем весьма точно, и время и место этого случая. На основании этого можно отнести с доверием и к сообщению Белецкого, что германцы знали маршруты поездок Николая. Но откуда? Каким путем? Этого Белецкий не сообщает.²

Но ответ на этот вопрос может дать та же переписка Романовых.

3 ноября 1915 г., перед предыдущей поездкой Николая II (тоже на юг), А. Ф., передав ему некоторые просьбы А. Н. Хвостова (министра внутренних дел), между прочим, сообщала:

«Он³ привез мне твои секретные⁴ маршруты (от Воейкова), и я никому не слова об этом не скажу, только нашему Другу,⁵ чтобы Он тебя всюду охранял».⁶

Несомненно, такая распутинская «охрана» нужна была и при следующей поездке Николая, а при таких условиях, в связи с эпизодом у Бахмача, сообщение этих секретных маршрутов «только нашему Другу» приобретает особый, трагический смысл. Для объяснения его проследим теперь за ходом мыслей А. Ф.

Непосредственно после цитированных нами строк А. Ф. о маршрутах, в письме ее говорится следующее:

«Только бы Кирилл⁷ имел успех! Наш Друг сказал еще одну вещь, а именно: если будут предлагать большие суммы (с тем, чтобы получить награды), их нужно принимать, так как деньги очень нужны; поощряешь их делать добро, уступая их слабостям, и тысячи от этого выигрывают, — верно, но все-таки

¹ Не более часа езды по жел. дороге. — Надо заметить, что ближайшая прифронтовая полоса находилась отсюда примерно в 400-х верстах.

² Он высказывает только предположение, что это могло быть известно от находившихся в охране жандармов.

³ Т.-е. Хвостов.

⁴ Подчеркнуто А. Ф.

⁵ Подчеркнуто нами.

⁶ «Переписка», т. III, стр. 429.

⁷ Вел. кн. Кирилл Владимирович, посылавшийся тогда в Румынию.

это безнравственно. Но в военное время все по-иному. Поговори с Хвостовым о Живахе¹... Андр(оники) передал все не совсем так, как было».

Переписка Романовых дает ответ и на вопрос, кто именно предлагал «большие суммы» за награды.

В письме А. Ф. от 10 сентября того же года находим строки, в которых она хлопочет перед Николаем относительно изобретателя каких-то аэропланов и при этом сообщает:

«Какой-то Рубинштейн дал уже 1 000 руб. и согласен дать еще 500 000 руб. на изготовление аппарата, если он получит то же самое, что и Манус».²

Таким образом, в письме, где сказано о секретных маршрутах, А. Ф., говоря непосредственно после этого о том, что нужно принимать большие суммы, которые будут предлагать за награды, имеет в виду, прежде всего, того же Рубинштейна: последний желал получить чин действительного статского советника, каковой незадолго до этого был дан Манусу, — и А. Ф. в письме от 3 ноября только напоминает о том, о чем говорила 10 сентября, т.-е., что нужно дать Рубинштейну чин, получив за это от него 500 тысяч.

Но, хотя Рубинштейн и был личностью в высшей степени подозрительною, мы не хотим из приведенных сопоставлений сделать заключение, что именно он причастен к вопросу о «секретных маршрутах», — и это, прежде всего, потому, что тогда, в конце 1915 г., Рубинштейн, повидимому, еще не был близок к Распутину. Зато в том же письме, как мы видели, упоминается еще одно темное имя, имя князя Андроникова; по газетным сообщениям именно он, весьма близкий тогда к Распутину, выхлопотал Рубинштейну чин действительного статского советника.³ Таким образом, при вопросе о путях перехода к германцам «секретных маршрутов», мы, кроме имени Распутина, подходим и к имени кн. Андроникова, который, кстати сказать, упорно подозревался в шпионаже.⁴

¹ Кн. Н. Д. Жевахов, который проводился в это время А. Ф. в помощники обер-прокурора синода.

² «Переписка», т. III, стр. 332.

³ «Речь», № от 11 января 1917 г.

⁴ См. письменные показания Беледкого. — Как мы уже видели (см. стр. 109 и след.), Андроников, добиваясь назначения министром внутренних дел А. Н. Хвостова, действовал в качестве агента немецкого электрического «Общества 1886 года». — Заметим, кстати, что маршруты были переданы А. Ф. Романовой Распутину, несомненно, в письменной форме, а не на словах: Распутин должен был «всюду охранять» Николая, а для этого надо

Во всяком случае, из подобных фактов видно, что секретнейшие сведения, которые А. Ф. «никому», кроме Распутина, не сообщала, попадали (не знаем — иногда, или всегда) каким-то путем в Германию; мы, таким образом, прямо подходим к вопросу о шпионаже.¹

Как отчасти можно было уже видеть из предыдущего, Распутин, так же как и А. Ф., был хорошо осведомлен о различных стратегических планах и предположениях, — даже больше: без преувеличения можно сказать, судя по переписке Романовых, что Распутин знал все те военные тайны, которые были для него интересны.

Было, в сущности, даже особое предписание Распутина сообщать ему обо всем выдающемся, — за неисполнение этого Романовым объявлялся выговор. Это мы видим, например, из письма А. Ф. к Николаю от 22 декабря 1915 г.

«Наш Друг, — пишет она, — все молится и думает о войне. Он говорит, чтоб мы Ему тотчас же говорили, как только случается что-нибудь особенное, — она² Ему сказала про туман, и Он сделал выговор, что Ему этого не сказали тотчас же, — говорит, что туманы больше не будут мешать».³

Итак Распутин, распорядившись, чтобы не было больше туманов, вместе с тем подтвердил необходимость сообщать ему обо всем «особенном»; однако, почему-то Николай потом допустил оплошность, не сообщив Распутину о происходившем вскоре наступлении на одном из фронтов. Тогда последовало напоминание:

«Он (Распутин), — писала А. Ф. в январе 1916 г., — жалеет, что начали это движение, не спросивши Его. Он бы сказал, что нужно подождать. Он всегда молится и обдумывает, когда придет хороший момент наступления, так, чтобы не терять людей без пользы».⁴

было, очевидно, знать точно, в каждый час, где именно теперь находится Николай (говоря так, мы, естественно, приравниваем к умственному развитию А. Ф.). Равным образом и германцам маршруты должны были передаваться в письменной форме, ибо им, как и Распутину, также желательно было знать час и минуту прибытия Николая на каждую из станций, а запомнить этого, конечно, никто бы не мог.

¹ Существует также известие, что английский фельдмаршал Китчер, погибший на крейсере, взорванном германской подводной лодкой, подвергся такой участи потому, что об его поездке было сообщено германцам кем-то из распутинского круга. Об этом см. в приложениях.

² Вырубова.

³ «Переписка», т. III, стр. 506.

⁴ «Письма А. Ф.», т. I, стр. 357.

Вообще на многих примерах можно видеть, что, если чего-либо нужного для Распутина ему своевременно Романовы не сообщали, то он обращался к А. Ф. (а та к Николаю) с соответствующими запросами.

Так, 7 ноября 1915 г. А. Ф. пишет Николаю, находившемуся тогда в Одессе:

«Жаду телеграммы из Одессы, все мои мысли там с тобой... Дорогой ангел, так хочется задать тебе тысячу вопросов о твоих планах относительно Румынии). Наш Друг очень хочет это знать...».¹

Или письмо от 4 февраля 1916 г.:

«Теперь,— пишет А. Ф.,— совсем конфиденциальный вопрос от меня лично: так как все время приходится читать о том, что немцы продолжают посылать артиллерию и войска в Болгарию, если, когда мы, наконец, перейдем в наступление, они ударят в тыл через Румынию, — кто тогда защищает наш тыл? Посылается ли гвардия к югу от Келлера и чтобы защищать направление Одессы?.. Теперь, если они пробьются через Румынию и нападут на наш левый фланг, какие силы остались, чтобы защищать нашу границу? Прости меня, что я к тебе пристаю, но такие мысли приходят невольно. Какие у нас планы теперь после взятия Эрзерума? Как далеко мы находимся от английских войск?».

В связи с этим А. Ф. также интересуется: «Я хотела бы знать, годится ли противогазовая маска Алека?...».²

А. Ф. получила, конечно, ответы на все эти вопросы и, очевидно, информировала обо всем и Распутина.

Все подобные выпытывания военных тайн, несомненно, очень подозрительны, особенно в связи с историей о «секретных маршрутах». Однако, было бы неосторожно делать, на основании этого, какие-либо определенные выводы относительно непосредственной роли Распутина в германском шпионаже. М. Н. Покровский, касаясь бегло, в предисловии к переписке Романовых, вопроса о том, были ли у «божьего человека», при его вмешательстве в военные дела, какие-либо «руководители», замечает, между прочим, что, «имея к своим услугам кошелек самой богатой семьи в России, не говоря уже о приношениях бесчисленных поклонниц и толпы просителей, Распутин едва ли польстился бы немецким жалованьем».³ Это, несомненно, справедливо:

¹ «Переписка», т. III, стр. 439.

² Алек — принц А. П. Ольденбургский. («Письма А. Ф.», т. II, стр. 10.)

³ «Переписка», т. III, стр. XXI.

германского жалования Распутин не получал, — но не могло ли его «посредничество» осуществляться в каких-либо более «деликатных» формах? Как бы то ни было, но нам представляется очень мало вероятным, чтобы вокруг Распутина не существовало хорошо поставленной германской агентуры.

Распутин не тайл про себя получаемых им от Романовых секретов, и они, несомненно, становились известны всему окружающему его сброду, — дальнейшее же направление этих сведений к нужному пункту, при желании, было дать не трудно.

Министр внутренних дел А. Н. Хвостов оставил характерный рассказ о том, как технически проводилось это осведомление разных дельцов о военных тайнах.

«Распутин, — говорит Хвостов, — ездил в Царское, и ему давал поручение Рубинштейн узнать о том, будет ли наступление или нет... При чем Рубинштейн объяснял другим, что это ему нужно для того — покупать ли в Минской губернии леса, или нет? (потому что, если будет наступление, значит, можно покупать, — тогда это представляло бы большую ценность; если же нет, если не будет наступления, — то не следует). Мне сообщили, — продолжает Хвостов, — что Распутин поехал с таким поручением, а когда приехал, то, действительно, он рассказывал, что он говорил в Царском Селе».

Николай сказал, оказывается, что наступления не будет. «Когда же будешь наступать?» — спрашивает Распутин. — «Ружья будут только через два месяца; раньше не могу...».

«Нужны ли были, — прибавляет Хвостов, — Рубинштейну эти сведения, чтобы купить лес, или чтобы по радиотелеграфу сообщить в Берлин, чтобы потом могли послать 5—6 корпусов на Верденский фронт — это трудно установить».¹

Это, конечно, только пример того, как могло быть организовано подобное «дело»: если не Рубинштейн, то кто-либо другой мог с успехом выполнять при Распутине подобные функции.²

¹ «Падение царского режима», т. I, стр. 32.

² Распутин, как умный человек, не мог, конечно, не сознавать, какое употребление могут сделать соответствующие лица из сообщаемых им военных секретов. Но Распутин, видимо, смотрел на это «сквозь пальцы», «делал вид», что он и не подозревает, куда идут те сведения, которые у него, под разными предлогами, выпрашивали «заинтересованные лица», вручавшие вместе с тем Распутину, опять-таки под разными предлогами, и подарки и деньги. В общем, тут применялся, надо думать, тот прием, которым обычно позвужаются при подобной «осведомительной» прак-

Но, даже оставляя в стороне этот последний вопрос, мы имеем основание думать, что, и при вмешательстве в дела верховного командования, у Распутина были те самые «руководители», которые наставляли его и тогда, когда он действовал в области «гражданского управления»: при назначениях министров, при их увольнении, при организации займов и т. п. Это, очевидно, всё те же Андрониковы, Рубинштейны, Манусы, Манасевичи-Мануйловы и весь прочий, присосавшийся к Распутину, сброд. Заинтересованность этих биржевых дельцов в тех или иных военных операциях в значительной степени определялась успехом их финансовых комбинаций, при чем крупное поражение русской армии часто бывало для «понижателей» гораздо выгоднее удачных ее действий: поражение, отзываясь иногда на бирже понижением бумаг, сулило все выгоды тем спекулянтам, которые играли именно на этом; с другой стороны, «повышатели», по таким же мотивам, имели все основания желать хорошей победы. Таким образом, есть основание думать, что некоторые «стратегические» советы Распутина были связаны просто с интересами направлявших его отдельных спекулянтов. Не исключена, однако, и та возможность, что в некоторых случаях через Распутина передавались Романовым директивы германского штаба.

В заключение этого очерка надо отметить, что, в общем, роль Распутина и А. Ф. Романовой, при их вмешательстве в дела военного командования, вполне соответствовала той позиции, которую они занимали в вопросе о сепаратном мире. Этой цели, в конечном итоге, соответствовали и достигнутое распутиндами свержение вел. кн. Николая, и борьба против Алексея и, наконец, — настояния о задержке, и даже совершенном

тике. Так, например, хотя бы член Госуд. Думы Крупенский, состоя секретным осведомителем департамента полиции, получал деньги от министерства внутренних дел не прямо за эти услуги, а на «устройство продовольственной лавочки», при чем министр «делал вид», что верит в такое назначение этих денег, хотя и платил их не за что иное, как за «осведомление» о секретных заседаниях «прогрессивного блока» (см. здесь, стр. 90). Так, предполагаем мы, могло быть и с Распутиным: он бы, наверное, с благородной гордостью отклонил какую бы то ни было сумму, если бы ему было прямо сказано, что — это деньги от германцев за такие-то «услуги», — но почему было не принять деньги на «благотворительные цели»? Ведь, как мы видели, сам Распутин указывал, что «если будут предлагать большие суммы, их нужно принимать, так как деньги очень нужны...».

прекращении, летнего наступления 1916 г., на широкий размах которого были возложены все надежды русских империалистов.

Таким образом, в то время, как на полях сражений шла борьба за достижение «победоносного мира», правящая распутинская группа, при своем вмешательстве в руководство военным командованием, в противовес этому, вела другую, закулисную борьбу — за прекращение войны, за сепаратный мир.

ОТ АНТАНТЫ — К ГЕРМАНИИ.

Во время империалистической войны все основные вопросы политики, естественно, определялись интересами войны; силою оружия разрешались теперь те, основанные на столкновениях двух империалистических групп, вопросы, которые дипломатия заинтересованных государств не только не могла разрешить мирным путем, но, наоборот, всячески старалась обострить, чтобы довести дело до мировой бойни. «Война до победы», «всё для войны» — эти принципы устанавливали основную линию политики всех воюющих государств. В частности, в России этими принципами определялось не только «единение с союзниками», но и полнейшее, во многих случаях, подчинение царизма интересам англо-французского капитала. Но «союзники», гораздо более экономически сильные, еще далеко не исчерпали всех своих ресурсов, когда Россия, принесшая наибольшие жертвы войне, стала уже изнемогать от непосильного гнета. «Священные» связи, соединявшие русскую монархию с ее союзниками, основанные более всего на интересах собственного русского империализма и на тех займах, которыми снабжали романовскую власть англо-французские империалисты, постепенно начали ослабевать, и в результате, как мы видели, вместо лозунга «война до победы» в единении с «союзниками», стал определеннее вырисовываться другой, противоположный лозунг — сепаратного мира с Германией.

Этот вопрос о мире, хотя бы и сепаратном, должен был встать тогда даже вне всякой зависимости от той или иной воли правительства и тех социальных групп, которые его поддерживали. Этот вопрос ставился прежде всего назревшими к тому времени объективными условиями, связанными, в своей основе, с тем разложением всей экономической системы, которое протекало в процессе войны. Но правящая клика могла понимать всю

серьезность тех причин, которые вызывали необходимость постановки вопроса о мире, и могла, по слепоте своей, их не вполне учитывать, в тупой и нелепой надежде, что какими-либо чудотворными мерами можно будет преодолеть непреодолимые объективные условия. Примером последнего образа действий является вся политика «временного правительства», которое ни о чем так не старалось, как о войне «до победного конца», и, во славу интересов своего и «союзного» капитала, кинуло массы, требовавшие мира, в преступное июньское наступление 1917 года.

Но было ли у правящей распутинско-романовской группы сознание необходимости ликвидировать войну? Ряд данных указывает, что оно было, хотя основывалось не столько на понимании требовавших этого объективных условий, сколько на все более и более уяснявшейся опасности дальнейшего продолжения войны как для династии, так и для монархии вообще. Однако, решающую роль играло даже не это сознание: политику царской России, в ее уклоне к сепаратному миру, определило, с одной стороны, то, что, после смены в. к. Николая Николаевича, к аппарату власти стали, через Распутина, подходить, взамен империалистских, те социальные группы, которые были настроены «пацифистски»; с другой стороны, здесь, как увидим ниже, имело значение также то обстоятельство, что и некоторые империалистские группы, на которых ранее опиралось правительство, вынуждены были, в силу своих экономических интересов, отходить на «мирные» позиции.

Но, прежде чем говорить об этом, мы считаем необходимым подвести итоги тем данным, которые свидетельствуют, что, по тем или иным причинам, романовско-распутинская политика была сознательно направляема к сепаратному миру.¹

Первая попытка германцев нащупать, через Васильчикову, почву для сепаратного мира не дает еще никаких данных,

¹ Мы считаем полезным подвести здесь некоторые общие итоги, так как различные данные об этом, помимо очерка «Романовы и сепаратный мир», встречаются и в других очерках, а также в приложениях, основанных на вновь опубликованных данных. Среди них особенно для нас важны новые данные об отношении Романовых к опубликованию соглашения о Константинополе и проливах, опубликованные в вышедшем во время печатания настоящей книги издании Н. К. И. Д. «Константинополь и проливы», составленном по секретным документам б. министерства иностранных дел, под редакцией и со вступительной статьей Е. А. Адамова.

чтобы можно было сделать какие-либо положительные на этот счет заключения, даже несмотря на благожелательное отношение к этому вопросу А. Ф. Романовой. Это первое предложение сепаратного мира, хронологически связанное со временем «уступки» союзниками царской России Константинополя и проливов, свидетельствует, однако, что тогда у Романовых было два пути — или пойти на переговоры с германцами о сепаратном мире, или продолжать войну «до конца» в согласии с «союзниками»: Романовы пошли по этому, второму, пути, но, если они поступили так, а не иначе, то в этом, несомненно, кроме ряда других причин, крупнейшую роль играл тот факт, что «союзники» как-раз в это время, предотвращая германские планы, подкупили Романовых Константинополем и проливами.

Однако, последовавшее в январе 1916 г. назначение Штюмера председателем совета министров уже явно свидетельствует, что царская власть становилась на «пацифистские» рельсы.

Все обстоятельства «стокгольмского свидания» Протопопова (в июле 1916 г.) и состоявшееся затем назначение его министром (в сентябре 1916 г.) уже не только совершенно определенно показывают желание укрепить «пацифистские» позиции правительства, но, вместе с тем, отчасти свидетельствуют о сочувственном отношении к этому вопросу самого Николая, — выявляя, кроме того, и ту социальную группу, которая придавала этому делу сознательное направление.

Даже оставляя в стороне, вследствие недостаточной определенности известий, ту последнюю попытку к сепаратному миру, о которой говорит Чернин (где, вероятно, даже и инициатива принадлежала правящей русской группе), мы с особой ясностью видим выжидательное, в отношении к вопросу о мире с германцами, положение Романовых, во-первых, на истории отказа от опубликования акта об автономии Польши и, во-вторых, на факте торможения самим Николаем II обнародования соглашения об «уступке» Константинополя и проливов (о чем мы говорим в приложениях к настоящей книге).¹

Затем, переходя к области военных действий русской армии, мы видим, что вся история вмешательства Распутина и А. Ф. Романовой в ход наступления русской армии в Галиции и на Кар-

¹ На опубликовании соглашения теперь настаивало уже не русское правительство, а английское, которое таким путем рассчитывало создать для Романовых невозможным постановку вопроса о сепаратном мире. Об этом см. здесь, в приложениях к очерку «Романовы и сепаратный мир».

матах в 1916 г. свидетельствует, что советы Распутина о задержке, и даже полной остановке, этого наступления хронологически связаны с теми моментами, когда так или иначе обнаруживались «пацифистские» позиции тех «сил», которые руководили политикой правительства (эти моменты — «стокгольмское свидание» и назначение Протопопова министром).

Вся совокупность этих фактов с достаточной, как мы думаем, определенностью показывает, что распутинско-романовская власть сознательно, хотя и весьма осторожно, стремилась к сепаратному миру.

Почему же в этом отношении не было сделано решительного шага? Этот вопрос частично нами уже намечен.¹ В общем, яснее других здесь выступают три причины. Формулируем их кратко. Первая—это, что романовская власть, естественно, боялась пойти на разрыв с англо-французским капиталом; вторая (и, может-быть, для Романовых особенно сильная) связана с убеждением их, что заключение сепаратного мира вызовет революцию, со стороны той самой либерально-империалистской буржуазии, которая, обслуживая англо-французский капитал, настаивала на войне «до победного конца»; и, наконец, третья причина, видимо, зависела уже от германцев — именно, что стоявшая у власти в Германии милитаристская группа не хотела идти на такие условия мира, которые могли бы удовлетворить царизм, и, в частности, не давала ему желательного разрешения вопроса о проливах и Константинополе.

К этому надо присоединить и ряд грубых тактических ошибок, допущенных германцами, — особенно издание акта об образовании зависимого от Германии Польского государства; ошибкою было, между прочим, и откровенное расхваливание немецкими газетами Штюрмера, ловко использованное Милюковым в думской речи об «измене» (1 ноября 1916 г.), и явившегося одной из причин увольнения этого министра, на которого германцы, видимо, не без основания, возлагали такие надежды.²

Как мы отмечали выше, для поворота царской политики — от Антанты к Германии — назрел к концу 1916 года ряд объек-

¹ См. здесь, стр. 70.

² Позднее германское правительство поняло неуместность публичного высказывания надежд на тех «союзных» деятелей, которые склонялись к миру с Германией: так, было запрещено писать что-либо в этом смысле относительно Кайо.

тивных условий, преодолеть которые, естественно, не могла бы правящая власть. Для общей оценки создавшейся тогда в этом отношении ситуации, мы приведем самый авторитетный отзыв,— отзыв В. И. Ленина, который в своей статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» выясняет возможность назревавшего тогда «поворота в мировой политике».¹

«Есть признаки, — говорит Ленин, — что такой поворот наступил, или наступает. Именно: это — поворот от империалистской войны к империалистскому миру».

О том, каковы эти признаки, В. И. Ленин говорит далее:

«Несомненное сильное истощение обеих империалистских коалиций; трудность продолжать войну дальше; трудность для капиталистов вообще и для финансового капитала в частности содрать с народов еще сколько-нибудь кроме двух и более шкур, содранных в виде скандальных «военных» прибылей; пресыщение финансового капитала нейтральных стран—С. Штатов, Голландии, Швейцарии и др.,—который нажился гигантски на войне и которому не легко продолжать дальше это «выгодное» хозяйство в виду недостатка сырых материалов и съестных припасов; усиленные попытки Германии отколоть от ее главного империалистского соперника, Англии, того или другого союзника; пацифистские выступления германского правительства, а за ним и ряда правительств нейтральных стран— вот главнейшие из этих признаков».

Далее В. И. Ленин задает вопрос: «имеются ли шансы на быстрое окончание войны, или нет?», и указывает, в ответ на это, что вырисовываются довольно определенно две возможности: «пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». Первая

¹ По вопросам, связанным с возможностью сепаратного мира В. И. Ленин написал две статьи в «Социал-Демократе»: 1) «О сепаратном мире» — в № 56 от 6 ноября 1916 г. и 2) «Поворот в мировой политике» — в № 58 от 31 января 1917 г. Кроме того, была написана статья «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», законченная 1 января 1917 г. и в свое время полностью не напечатанная. Эта статья подразделена самим автором на главы, и первая из них носит название «Поворот в мировой политике», соответствуя, в общем, части той статьи, которая была напечатана в «Социал-Демократе» от 31 января 1917 г. Работа «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» впервые опубликована в «Ленинском Сборнике» № 2, Института Ленина, под редакцией и с предисловием Л. Б. Каменева, издание Ленгиза, 1924 г., стр. 295—314 (вышла также отдельно в «Ленинской Библиотеке»). Мы пользуемся преимущественно этой, напечатанной в «Ленинском Сборнике», редакцией, так как она оттеняет лучше некоторые интересные для нас черты.

возможность — это, что сепаратный мир между Россией и Германией уже заключен, хотя бы не в обычной форме формального договора, вторая — такого мира не заключено, и Англии, с ее союзниками, действительно, под силу продержаться еще и год, и два и т. п. «В первом случае, — указывает Ленин, — война, не теперь, так и в ближайшем будущем, неминуемо прекращается, и серьезных изменений в ходе ее ждать нельзя. Во втором случае возможно неопределенно долгое продолжение ее».

В. И. Ленин останавливается на первом случае:

«Что переговоры, — говорит он, — о сепаратном мире между Германией и Россией совсем недавно велись, что сам Николай II или влиятельнейшая придворная шайка на стороне такого мира, что во всемирной политике обрисовался поворот от империалистского союза России с Англией против Германии к не менее империалистскому союзу России с Германией против Англии, — все это не может подлежать сомнению».¹

В дальнейшем тексте статьи В. И. Ленин указывает, что «чем больше вырисовывается для царизма фактическая, военная невозможность вернуть Польшу, завоевать Константинополь, сломать железный германский фронт, который Германия великолепно выравнивает, сокращает и укрепляет своими последними победами в Румынии, тем более вынуждается² царизм к заключению сепаратного мира с Германией, то-есть к переходу от империалистского союза с Англией против Германии к империалистскому союзу с Германией против Англии».

Вот, весьма ценные для нас, указания В. И. Ленина о той международной ситуации, которая вырисовывалась к концу 1916 года.

Итак, мы видим, что — по взгляду Ленина — к этому времени назрели такие причины, которые могли обеспечить откол России от «союзников» и переход ее к союзу с Германией.

В связи с этим будет уместно привести слова Г. Е. Зиновьева, который, оценивая, подобно Ленину, создававшуюся тогда политическую конъюнктуру, попутно отмечает:

~~«Вот, весьма ценные для нас, указания В. И. Ленина о той международной ситуации, которая вырисовывалась к концу 1916 года.»~~

¹ «Ленинский сборник № 2, стр. 298. Подчеркнуто нами.

² Здесь и далее подчеркнуто В. И. Лениным.

³ ~~«Вот, весьма ценные для нас, указания В. И. Ленина о той международной ситуации, которая вырисовывалась к концу 1916 года.»~~

Таким образом, в течение всей войны шел процесс назревания этого «зародыша», который, после двух лет войны, уже мог получить вполне реальную силу, вызывавшую возможность «поворота в мировой политике».

Каковы же причины, на основе которых мог назреть такой поворот? Они, в известной степени, предугазаны самим В. И. Лениным: это «сильное истощение обеих империалистских коалиций, трудность продолжать войну». Это «истощение», которое позднее, при помощи Америки, могли еще довольно долго преодолевать «союзники», раньше всего, как известно, сказалось именно в России, которой собственно и касается статья Ленина.

В этом «истощении», проявившемся в России в 1916 г. уже во всех областях хозяйственной жизни, в этой всеобщей разрухе, предвещавшей кризис всей капиталистической системы, и была, очевидно, та основная причина, по которой царизм «вынуждался» (по выражению Ленина) идти к сепаратному миру.

Мы не будем, конечно, рассматривать различных проявлений назревавшего кризиса, так как, с одной стороны, это — факт слишком хорошо известный; с другой — все проявления этого кризиса требуют специального исследования. Но все-таки мы отметим вкратце некоторые симптомы этого кризиса.

Первым тревожным симптомом, дававшим громадную трещину в лозунге «война до победы», был недостаток орудий и снарядов, обнаруживавшийся уже с начала 1915 года; чем дальше, тем грозное значение этого «недостатка» стало ощущаться все более и более, и, в конце концов, одним из результатов его было бегство русской армии из Галиции и ряд тех небывалых поражений, которые понесла русская армия летом 1915 года. Однако, «мобилизовавшаяся», в связи с этим, буржуазия пришла в этом отношении на помощь распутинскому правительству, благодаря чему снабжение армии орудиями и снарядами, в большей или меньшей степени, стало налаживаться. Но мобилизованные для военных надобностей заводы почти не могли заниматься уже той «мирной» работой, которая, однако, была необходима и во время войны: вагоны и рельсы изнашивались, а новых не было — вследствие этого явилась «разруха» транспорта, в котором, — по выражению М. Н. Покровского, — «есть корень всех вещей»,¹ связанных с данным вопросом. Затем пришла

¹ М. Н. Покровский. «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.». Курс лекций. Москва. 1924 г., Изд-во «Красная Новь», стр. 191.

принимавшая грозные размеры продовольственная «разруха» и связанная с ней дороговизна, немало способствовавшая усилению общего недовольства народных масс. Потом стали обнаруживаться разные другие «разрухи», и, в конце концов, не оставалось уже ни одной области хозяйственной жизни, в которую война не внесла бы своей разрушающей силы. И решающим фактором, в результате, становились не пушки и снаряды, которые предназначались для уничтожения неприятельских армий, а именно те условия, которые создавались в тылу и разрушали с немаленькою силою всю хозяйственную жизнь страны.

Помимо тех причин к миру, которые связаны с происшедшим в хозяйственном организме России разложением, мы отметим здесь еще две.

Прежде всего — это, что русской армии, даже при полном обеспечении снарядами, фактически было не под силу воевать на два фронта: и с австро-германцами, и с турками, — между тем именно от Турции должна была царская Россия отхватить свою главную добычу — Константинополь и проливы. Стратегическая невозможность преследовать эту последнюю цель стала выясняться в «ставке» уже с февраля 1915 г., а в октябре того же года генерал Алексеев пришел к заключению о необходимости для России заключить сепаратный мир с Турцией. «Положение, созданное решением Болгарии присоединиться к нашим врагам, — сообщалось тогда об этом мнении Алексева Сазонову, — считается ген. Алексеевым настолько серьезным, что мы из него не выйдем, если не заключим мира с Турцией». Только тогда, — по мнению Алексева, — «создается положение, при котором разумно можно будет рассчитывать на достижение цели войны: изгнания врага из наших пределов и сокрушения опасной для нашего существования военной мощи Германии. Преследовать иные цели, — значит, гоняться за миражем...».¹

Но, хотя для немногих разумных людей из правящей группы создававшееся положение и давало повод подумать о необходимости мира, отказаться от «миража» русская империалистская буржуазия не могла...

Однако, чем дальше продолжалась война, тем сильнее начинал слышаться протестующий против нее голос рабочих масс —

¹ «Константинополь и проливы», т. I. стр. 107, 108. См. также «Сборник секретных документов из архива б. Министерства Иностр. Дел», № 1 (изд. 2), стр. 13.

и это было той второй причиной для мира, которую хотим мы отметить.

Революционное настроение рабочих масс уже заметно проявилось во второй половине 1915 года; в этом отношении нужно особенно отметить большие забастовки в Петрограде и Москве. Этот, с каждым днем все более нараставший, революционный подъем был, между прочим, одним из мотивов возникшего в «ставке» проекта о необходимости учреждения военной диктатуры. С большой тревогой, в связи с этим, докладывал ген. Алексеев Николаю II 15 июня 1916 г.:

«Заводы, работающие на оборону, переживают тяжелый кризис с рабочими. Забастовочное движение непрерывно растет, преступная пропаганда широко ведет свое убийственное дело, главным образом на столь благодарной почве, как необеспеченность рабочих предметами пропитания и дороговизна предметов первой необходимости».¹

Парализовать рабочее движение предполагалось, между прочим, милитаризацией заводов, попытка к чему была сделана еще и ранее.² Сообщая в другом своем докладе Николаю, от 24 июля 1916 г., о забастовке на Луганском патронном заводе, Алексеев, «во избежание непоправимых бедствий, грозящих нашему отечеству от приостановки заводов, работающих на оборону», находил необходимым немедленную организацию на всех таких заводах продовольственных магазинов и снабжение рабочих по дешевым ценам продуктами первой необходимости. Но подобные мероприятия, во-первых, правительством не проводились в жизнь и, во-вторых, никакие генеральские меры не могли, конечно, предотвратить главного — прояснения сознания масс, часть которых, опутанная в начале войны националистическим дурманом, стала теперь убеждаться в преступности и бесцельности затеянной империалистами бойни.

Наращение революционного настроения масс было одним из тех мотивов, по которым в некоторых слоях буржуазии начинали задумываться о необходимости мира, посредством которого предполагалось подавить назревавшую революцию. И этот мотив, следует отметить, имел известное значение не только у нас, в России, но и в других государствах, особенно же у австро-германской коалиции. Это можно видеть, например, из доклада австрийского

¹ «Монархия перед крушением».

² В конце февраля 1916 г. был милитаризован Путиловский завод.

министра иностранных дел Чернина, представленного императору в апреле 1917 г.: Чернин в этом докладе настаивает на том, что необходимо стремиться к миру, и, в качестве главнейшего основания, на котором, по словам этого министра, зиждется «вся тяжесть его аргументации», он выдвигает «революционную опасность, застилающую горизонт всей Европы».

«Всякий государственный деятель должен понять, если только он не слеп и не глух, — указывает Чернин, — что тупое отчаяние населения ежедневно усиливается; он должен слышать глухой ропот, доносящийся из широких масс, и, если он отдаст себе отчет о своей ответственности, он должен считаться с этим фактором».

И далее:

«Я утверждаю категорически, что, если Германия будет пытаться вести дальнейшую зимнюю кампанию, то внутри империи также произойдут перевороты, которые кажутся мне гораздо более чреваты дурными последствиями, чем мир, заключенный монархами. Если монархи центральных держав не в состоянии заключить мир в ближайшие месяцы, то народы сделают это сами через их головы, и революционные волны затопят тогда все, за что сейчас еще борются и умирают наши братья и сыновья».¹

Эта тревога весьма симптоматична. Чернин говорит не только за себя — он отражает настроение всей той правящей клики, к которой он принадлежал. Можно было бы привести и другие подобные примеры: столь же пессимистически был, например, настроен один из самых влиятельных вождей австрийских клерикалов, упоминавшийся нами князь Лихтенштейн.² Предпринимая различные шаги в пользу сепаратного мира, Лихтенштейн в то же время совместно с другими клерикалами строил план о восстановлении в Австрии абсолютной монархии, мечтая об упразднении «рейхсрата», который признавался учреждением «противоестественным», и т. п.³ И мотивы, требовавшие этой реакционной политики, прекрасно видны из приведенного отзыва Чернина: надо было подавить «глухой ропот, доносящийся из широких масс», надо было сокрушить назревавшую революцию, возможность которой выросла все более и более по мере продолжения войны. И для этого прежде всего надо было кончать

¹ Чернин. «В дни мировой войны», стр. 163 — 164.

² См. здесь, стр. 11, 65.

войну. Таким образом, на приведенном примере настроений австрийской правящей клики мы видим аналогию с условиями, существовавшими в России, где правящая группа, стремясь к сепаратному миру, вместе с тем также рассчитывала подавить революционное настроение масс путем самой черной реакции.

Однако, надо сказать, что, несмотря на возрастающую с каждым днем разруху, на почве которой у некоторых наших буржуазных групп являлось сознание грозной опасности, связанной с дальнейшим продолжением войны, широкие слои буржуазии, и особенно так называемая «либеральная» буржуазия, не хотели сдавать своих империалистских позиций. На этой, главным образом, почве империалистская буржуазия вступила в борьбу с правительством, которое, вместе с поддерживавшими его группами, явно становилось на пути, ведущие к сепаратному миру. Мы приведем далее различные примеры, подтверждающие эту мысль, но ранее остановимся на взгляде М. Н. Покровского, который в своих «Очерках по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» рассматривает вопрос о смысле происходившей тогда политической борьбы. В этом отношении М. Н. Покровский, согласно с своим основным взглядом, противопоставляет интересы промышленного капитала капиталу торговому, указывая, что именно последний был заинтересован в скорейшем заключении мира.

«В начале войны,—пишет М. Н. Покровский,—несомненно, доминировал торговый капитал. Задача захвата проливов — это была задача торгово-капиталистическая. Это был эпизод борьбы России за торговые пути. Промышленный капитал в первые месяцы отнесся к войне довольно прохладно, но постепенно, по мере того, как война оказывалась великолепным рынком, с лихвой заменявшим обычный рынок, на котором уже было тесновато русской промышленности, по мере того, как, с другой стороны, прекращение всякого вывоза из России отнимало у торгового капитала всю прелесть войны, надежда на то, что война кончится в 3—4 месяца блестящей победой, не оправдалась; урожай 1914 года был потерян, урожай 1915-го года был также потерян, урожай 1916 года также не был вывезен за границу, — по мере того, как шло это, интересы торгового и промышленного капитала должны были переместиться. Промышленный капитал, чем дальше, тем больше втягивался в войну, торговый капитал, чем дальше, тем больше начинал скучать и горько осуждать войну. Это сказалось во взаимоотношениях прогрессивного

блока, который представлял собой, главным образом, промышленный капитал, и придворных кругов, дворянства, которое искони представляло из себя на Руси, главным образом, торговый капитал ибо помещик был, как вы помните, агентом торгового капитала».

«Необходимость закончить войну, — говорит М. Н. Покровский далее, — чтоб открыть, наконец, русскому хлебу вывоз за границу, сознавалась все сильнее. Правда, было два обстоятельства, смягчавших, так сказать, горе торгового капитала. Это, во-первых, все уменьшавшаяся урожайность русского хлеба: урожай к 1917 году упал на 30—40%, смотря по тому, берем ли мы пшеницу или рожь, и это держало хлебные цены, а затем смягчали помещичью беду военные поставки. Но так или иначе, всякое отсутствие не только активного, но какого бы то ни было баланса, превращение всего баланса сплошь в баланс пассивный, должно было обеспокоить, и даже не столько уже один торговый капитал, сколько русское накопление вообще. Промышленный капитал относился к этому легко, поскольку в его карман лились огромные барыши, но в общем и целом даже русский капитализм находился под некоторым вопросом. Всё это вместе взятое должно было дать ход тем пацифистским тенденциям, которые с начала войны представлял Витте, умерший в 1915 г., по которые в начале войны никакого эха не встречали».¹

Эти слова М. Н. Покровского достаточно ясно обрисовывают тот важнейший экономический мотив, по которому царская власть должна была стремиться закончить войну. Но, при всей справедливости указанного мотива, мы, в отношении собственно дворянства, не видим, однако, сколько-нибудь существенных данных, которые показывали бы, что широкие его слои действительно стали отклоняться от лозунга «война до победного конца» и становиться на «пацифистские» позиции.

Факты, наоборот, свидетельствуют, что очень влиятельные дворянско-помещичьи круги до самой революции были настроены вполне империалистски и, видя, что политика России клонится к сепаратному миру, старались подстегивать Романовых к энергичной борьбе до «победного конца».

Это видно уже из того, что даже в «прогрессивный блок», особенно усердно старавшийся о бесконечном продолжении войны,

¹ М. Н. Покровский. «Очерки по истории русского революционного движения», стр. 201 — 202.

помимо торгово-промышленной буржуазии, входила и довольно значительная помещичья группа (особенно «националисты», «октябристы»), которая вполне поддерживала крайнюю империалистскую позицию «блока». В соответствии с этим, в ноябре 1916 г. даже такое помещичье-бюрократическое учреждение, как Государственный Совет, в значительном своем большинстве заявило о своей солидарности с той же прогрессивно-империалистской программой.¹ Наконец, даже «объединенное дворянство» также отрицательно относилось к политике власти,—и все на той же почве: «война до полной победы», «долой темные силы». О таких настроениях мы можем судить хотя бы по резолюции, принятой на съезде «объединенного дворянства» 1 декабря 1916 г. В этой резолюции, между прочим, говорилось, что «необходимо решительно устранить влияние темных сил на дела государственные, необходимо создать правительство сильное русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием и способное к совместной работе с законодательными учреждениями, — только такое правительство может обеспечить доведение войны до полной победы, без которой народная мысль (!) не допускает мира».²

Только меньшая часть «объединенного дворянства» не встала на эту позицию, большая же часть, выражавшая, видимо, настроения помещиков капиталистического типа, явно тяготела к программе «прогрессивного блока» (в его самом умеренном крыле). Что касается этой меньшей, но очень влиятельной, части, отражавшей интересы помещиков-феодалов, то в эту группу входили представители самой сгущенной реакции: о необходимости сепаратного мира они, однако, открыто сказать не могли, хотя вполне последовательно отрицали самое существование всяких «темных сил», — отрицали именно потому, что эти «силы» делали как-раз то, что было нужно этой помещичьей группе.³

¹ Соответствующая резолюция была принята в заседании 26 ноября 1916 г.

² Эта резолюция была принята подавляющим большинством: из 126 членов съезда только 25 были против. («Речь», от 2 декабря 1916 г.) Конечно, такие резолюции не вполне надежный материал для характеристики настроений: чтобы услужить правительству, люди нередко поддерживали такие резолюции, которым вовсе не сочувствовали, — однако, в данном случае, едва ли можно признать этот мотив, так как могли угодить власти как-раз те, которые были против резолюции.

³ В таком смысле говорил тогда в Госуд. Совете, между прочим, граф Бобринский, министр земледелия (бывший раньше председателем

Однако, высказывание дворянских «народных мыслей» ни к чему не приводило... «Темные силы» продолжали действовать, и с каждым днем все яснее становилось, что дело идет к сепаратному миру. Что оставалось делать? Убить Распутина, как главную «темную силу». Это и было выполнено немного спустя Юсуповым и К°, при полном сочувствии всех слоев дворянства и буржуазии, видевших, по своему недомыслию, в этом акте не только «очищение» самодержавия от «темных сил», но и предупреждение себя от революции и надвигавшегося сепаратного мира.

Естественно, что и эта мера не помогла — оставалось сделать какой-то новый, решающий шаг. Шаг этот был предугазан, между прочим, и в цитированной резолюции дворянства: «Необходимо создать правительство сильное, русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием...». Но кто же как не дворянство пользуется этим самым «народным доверием»?

Поэтому вполне естественно, что, когда распространились в последние дни существования монархии слухи о предстоящем разгоне Думы, — с чем, как мы видели, мог быть соединен и план сепаратного мира,¹ — председатель Думы Родзянко решил организовать нечто в роде диктатуры дворянства; опасаясь своего ареста, Родзянко вызвал в Петроград нескольких крупных дворянских деятелей и просил их, в случае своего ареста, «стать на страже интересов родины и взять на себя долг бороться с теми оскорблениями, которые, несомненно, выпадут на долю родины». Это совещание постановило, что дворянство «обязано, в случае роспуска Думы, встать во главе движения для блага родины и для борьбы с предателями ее». В связи с этим решено было экстренно созвать дворянский съезд.

Ближайшей, непосредственной целью этих дворянских предположений было стремление предотвратить сепаратный мир: это видно из слов самого Родзянко, который, в связи с этим, указывает, что он «отлично понимал», что «дело идет, несомненно, к сепаратному миру и позору России». «Предателями родины» оказывались, таким образом, прежде всего сами Романовы. Характерно, что Родзянко, при этих своих замыслах, решил отмежеваться от «союзов» земств и городов, отклонив,

«объединенного дворянства»); отрицая существование «темных сил», он обвинял противников в присоединении к «осаде власти», «в дешевых нападках на правительство, прошедшее, настоящее и будущее (!?)». («Речь» 1916 г., № от 27 ноября.)

¹ См. здесь, стр. 60 и след.

под благовидным предлогом, приглашение действовать с ними совместно.¹

Приводя эти факты, мы имеем целью показать, что, хотя объективно помещичий класс и должен был стремиться к миру, но значительные дворянско-помещичьи слои не были склонны стать на «пацифистские» позиции; наоборот, они настаивали на «войне до конца», и именно на почве недовольства романовской политикой, клонившейся к сепаратному миру, эти слои стали отрицательно относиться к правительству.

Является, однако, вопрос, чем объяснить такой «патриотизм» помещиков? Нам представляется, что «горе» крупного торгового капитала не только «смягчалось» отмеченными М. Н. Покровским обстоятельствами, но, в значительной степени, и вовсе уничтожалось, давая даже место некоторой «радости», поддерживавшей «патриотическое» настроение помещиков.

Для характеристики этого весьма любопытна происходившая в июле — августе 1916 г. борьба помещиков за высокие твердые цены, по которым правительство закупало хлеб для армии и населения. Министр земледелия Наумов (сам, кстати сказать, принадлежавший к составу «объединенного дворянства») пытался несколько сдерживать аппетиты крупных землевладельцев, и именно за это в июле 1916 г. поплатился отставкой; против него поднялись не только «правые», но даже такие дворянские «либералы», как кн. Щербатов (бывший министр внутренних дел).² В этой борьбе были забыты политические разногласия, и широкие помещичьи круги слились в одном классовом чувстве. Ставший вместо Наумова министром земледелия богатейший аграрий граф Бобринский примыкал к «пацифистской» группе Штюрмера; но как у «пацифистов», так и у империалистов (мы говорим про помещиков), была одна общая цель: несмотря на тот или иной исход войны, постараться теперь же, в данный момент, побольше нажить на поставках для армии. Этой цели и стал служить Бобринский. В образованном по этому поводу особом совещании было принято повышение твердых цен от 40% до 60%, что, в несколько измененном виде, было утверждено и советом министров.

¹ «Февральская революция» (сборник в серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев»). Составил С. А. Алексеев. 1926 г., стр. 28, 35.

² «Русские Ведомости», № от 2 июля 1916 г.

Вместе с тем надо отметить, что, по связи с этим вопросом, возник и другой — о необходимости принудительного труда крестьян для помещичьих имений, которые, кстати сказать, и без того широко пользовались трудом военнопленных. Принудительный труд крестьян на помещиков, по личной инициативе некоторых губернаторов, уже был тогда введен в нескольких губерниях, но министерство земледелия (равно как и внутренних дел) находило, что эта мера должна носить «не случайный и частный, а планомерный общий характер»; это обосновывалось тем, что «все большие экономии испытывают обостренную нужду в рабочих руках», а «крестьяне совершенно не желают наниматься на работы».¹ Таким образом, этим последним мероприятием крестьяне ставились уже совершенно в крепостническое положение.

Такие мероприятия, естественно, весьма укрепляли позиции торгового капитала: отсутствие экспорта заменялось возможностью здесь же, у себя на родине, — притом с «патриотическими» целями, — продать по мародерским ценам хлеб; это, в связи с принудительным трудом военнопленных и даже крестьян на помещиков, естественно, должно было поддерживать их желание вести войну «до конца».

Вместе с тем возникает и такой вопрос: был ли вообще для торгового капитала выход в сепаратном мире? М. Н. Покровский признает, что торговый капитал все-таки «не мог отказаться от главного приза этой войны, от проливов».² Но допустим даже, что этот вопрос был бы, по соглашению с Германией, как-либо урегулирован, — однако, о такой возможности широкие слои представителей торгового капитала просто не подозревали: они смотрели на сепаратный мир, как на мир позорный, т.-е. экономически порабошавший, прежде всего, представителей этого же класса. Потому, если даже некоторые слои его и стали «горько осуждать войну», то, все-таки, не видя выхода, продолжали стоять на прежнем, опять-таки безнадежном, пути — «войны до победы».

Таким образом, на вопросе о войне романовская власть, клонившая дело к сепаратному миру, отрывалась от своей широкой дворянской основы. Вместе с тем получалось странное,

¹ «Русское Слово», № от 23 августа 1916 г.

² М. Н. Покровский. «Очерки по истории революционного движения», стр. 205.

противоречивое положение: естественно, служа во всех других вопросах и, в частности, в отмеченной нами «твердой» аграрной политике, интересам помещиков, распутинская власть именно этой аграрной политикой более всего укрепляла, вопреки своей «нацифистской» линии, стремление помещиков к «войне до конца».

Такой результат мог бы быть неизбежным следствием того положения, в которое попадала романовская власть, идя по пути к сепаратному миру; но, вместе с тем, возможно и так, что усиленные уступки вождениям помещиков, вопреки даже военным интересам,¹ делались теперь именно потому, что таким путем правительство фактически привлекало к себе эту дворянскую «оппозицию» и, может-быть, в конце концов примирило бы ее с перспективой сепаратного мира, если бы он мог быть заключен на приемлемых для торгового капитала условиях.

Что касается той части помещичьего класса, которая поддерживала и, в известной мере, определяла «нацифистское» направление политики правительства, то основной слой этой группы составляли, несомненно, те крупнейшие аграрии, которые, в силу своих классовых интересов, находили для себя целесообразнее стремиться к миру; мотивы для этого указаны М. Н. Покровским в цитированной его работе. Эта группа крупнейших помещиков могла позволить себе роскошь даже и не увлекаться временными наживами на «твердых ценах», связанных с дальнейшим продолжением войны,—тем более, что в данной группе было хорошо понято, что именно война может угрожать революцией, то-есть концом их классового господства.²

Интересы этой руководящей группы крупных аграриев обслуживали и различные черносотенные организации: «союзы русского народа», «палаты» каких-то архангелов и т. п., а также «салоны» (Римского-Корсакова, Штюмерера). К этим салонам примыкало и большинство тех присяжных бюрократов, из которых формировались министры.³ Что касается рядовых участников

¹ Военное министерство протестовало против увеличения твердых цен

² См. записку Дурново — здесь, стр. 48 — 49.

³ Так, в «салон» Штюмерера входили такие, например, лица: гр. А. А. Бобринский, Стишинский, Дейтрих, Фриш, кн. А. А. Ширинский-Шихматов и много других лиц, делавших бюрократическую карьеру. «Кроме того, — по словам Белецкого, — Б. В. Штюмерер, для связи с провинцией, приглашал в свой салон приезжавших в Петроград губернских предводителей, губернаторов и некоторых владык, принимавших участие в политической жизни страны» (письменные показания Белецкого).

правых организаций, то они, как известно, состояли из всякого сброда, «идеология» которого определялась денежными подачками от правительства и проявлялась более всего во время еврейских и других погромов. Но это уже были «низы», тесно, однако, связанные с верхами, а через них и с самим «троном».

В среде руководящей группы «правых» несомненны те настроения, которые можно назвать уже не «пацифистскими», а прямо германофильскими: тяготение к Германии основывалось здесь, прежде всего, на принципе необходимости политической солидарности двух монархий. Эти тенденции, выразившиеся до войны в «Русском Знамени» и других рептилиях, иногда проскакивали наружу и тогда, когда властью был признан принцип «священного единения» с союзниками.¹ Это же сказалось и после революции, когда, например, один из главарей «союза русского народа» сенатор Римский-Корсаков, из «салона» которого вышел последний решительный план подавления революции и сепаратного мира,² вошел в состав «совета» организованной в 1919 г. авантюристом Бермондтом-Авиловым русско-германской армии, имевшей целью свержение Советской власти и восстановление в России монархии. Для организации этой авантюры, в которой принимали участие и другие русские реакционеры, инициаторы ее вошли в связь с германскими коммерческими кругами и с военным командованием, при чем и тут и там встретили соответствующую поддержку; «коммерческие круги» рассчитывали, идя на это, достичь, в качестве компенсации, заключения с этой теоретически-восстановленной монархией выгодного торгового договора.³

¹ Так, уже в начале войны «Русское Знамя» выражало гнусную радость по поводу налета на «жидовский Париж» цеппелинов, несущих «до ста пудов полезного груза». Эта выходка вызвала все-таки предостережение со стороны военной власти, и «Русское Знамя» притихло, занявшись трагедией «внутренних врагов».

² См. здесь, стр. 67 — 69.

³ Судя по разоблачениям с.-д. Гаазе, напечатанным в сентябре 1919 г. в «Times», авантюра эта была задумана в «салоне графини К...» (Клейнмихель?). «Армия» (во главе германской части которой стоял известный фон-дер-Гольц) должна была начать действия с Прибалтийского края, где этот план встретил поддержку и со стороны некоторых баронов; как и следовало ожидать, вся эта жалкая попытка монархистов кончилась крахом очень скоро (см. статью Ю. Стеклова «Российские даристы и германские империалисты», в журнале «Новый Мир», 1925 г., № 1, стр. 115—119).

Итак, «правые» действовали в этом отношении довольно последовательно, как до войны, так во время ее, и после революции.¹ Вот эти-то «правые», возглавляемые крупнейшими русскими аграриями, и были одной из двух социальных групп, на которых опиралась политика Романовых накануне революции.

Другим исходным пунктом, дававшим директивы для этой политики, мы считаем банки, т.-е. представителей одной, уже намеченной нами, группы банкового и, связанного с ним, промышленного капитала. Эта группа, как мы видели, возглавлялась синдикатом банков и «советом съездов» металлургической промышленности. Эта группа, через Распутина, Протопопова, Мануса и др., имела, как было показано нами, тесную связь с «троном», и Распутин был, в различных случаях, лишь простым агентом банков и отдельных банковских дельцов. Заметим кстати, что собственно к Распутину гораздо ближе стояли эти банковские дельцы, а не руководители «правых»: имея все возможности лично влиять на власть, аристократы-черносотенцы, несмотря на поклонение Романовых Распутину, несколько сторонились этого «мужика», тогда как Манусов, Рубинштейнов и Путиловых, более, очевидно, «демократически» настроенных, это смущать не могло. Вместе с тем, по размаху своему, банковская группа была даже сильнее группы «правых»: через Распутина и Протопопова к романовскому «трону» протягивались здесь нити от различных групп международного капитала, тогда как помещичья группа действовала всецело на «национальной» почве.

Мы не имеем, конечно, возможности рассматривать здесь сколько-нибудь подробно вопрос об отношении к войне промышленной буржуазии; нам важно только отметить, что на тогдашней политической арене явно намечается борьба двух противоположных ее групп.

С одной стороны, мы видим широкие слои империалистской буржуазии, с такими ее представителями, как Рябушинский, Коновалов, Гучков и т. п.; в этом слое буржуазии видную роль играли представители текстильной промышленности. Этому слою промышленной буржуазии, стоявшей на прогрессивной позиции, объективно служила и вся вообще так называемая либеральная буржуазия, — в частности, кадеты. Против

¹ Этого нельзя сказать, например, о кадетах, во главе с Милюковым, которые в 1919 г. стали поддерживать «германскую ориентацию».

этой либерально-империалистской буржуазии правительство ведет ожесточенную борьбу, а Гучков даже оказывается «главным врагом» монархии и династии.¹

На другом фланге выявляется небольшая, но очень сильная группа, представителями которой выступают Манус, Путилов, даже Протопопов. Эта группа, тяготеющая к «пацифизму» и к крайней реакции, пользуется полной поддержкой Романовых и, через Распутина и Протопопова, оказывает решающее влияние на политику. Поэтому именно эта группа буржуазии и должна сосредоточить на себе наше внимание.

Мотивы «пацифистского» настроения этой группы мы попытаемся ниже наметить; что касается причин ультра-реакционного настроения этой группы, прикосновенной к металлургической промышленности, то относительно этого мы скажем то, что уже подмечено М. Н. Покровским.

В своей статье «Пятая годовщина Октябрьской революции»,² он сравнивает, между прочим, текстильных фабрикантов с фабрикантами «тяжелой индустрии». М. Н. Покровский указывает, что «текстильные фабриканты были либеральнее, были левее фабрикантов тяжелой индустрии». Подтверждая это наблюдение рядом примеров (например, что текстильщики московского района составили в 1912 г. ядро так называемой «прогрессивной партии»), М. Н. Покровский дает и объяснение этому явлению: именно—фабриканты «тяжелой индустрии» были связаны с государственной властью, тогда как «текстильная промышленность, которая работала на широком свободном рынке, была в несколько более свободном положении, потому что у нее был гражданский покупатель помимо правительства, — хотя она поставляла и на армию, но это не играло здесь такой большой роли».

Столь же реакционными, как представители металлургической промышленности, были и представители банкового капитала. Правда, М. Н. Покровский в цитированной своей статье, говоря о контр-революционности буржуазии, указывает: «только

¹ Приведем здесь характерную выдержку из письма А. Ф. Романовой к Николаю, от 17 сентября 1915 г., относительно избрания в Государственный Совет представителей промышленности: «Как противно,—пишет А. Ф.,—что Гучков, Рябушинский, Вейнштейн (наверное, настоящий жид), Лаптев и Жуковский выбраны в Гос. Сов. всеми этими скотами! Вот будет действительно приятная работа с ними!». («Переписка», т. III, стр. 361.)

² «Спутник коммуниста». Издание Московского Комитета РКП. 1922 г. (1 декабря), № 18, стр. 25.

представители капитала в чистом виде, банкового капитала, только они у нас в своей прогрессивности шли до кадетизма».¹ Но что касается интересующего нас периода, то здесь о какой-либо прогрессивности руководящей группы представителей банкового капитала даже и говорить нельзя. Уже один приведенный нами план выборов в Г. Думу, согласно которому банки совместно с распутинским правительством собирались сфабриковать новую думу из реакционных помещиков, духовенства, интеллигентов и представителей промышленного и банкового капитала,² показывает, что эти последние политически солидаризировались не с кадетами, и даже не с октябристами, а с группами «крайних правых» и «союзом русского народа». Это касается большинства объединенных петроградских банков, заключивших тесный союз с правительством Романовых; если же и были некоторые более либерально настроенные банковские «деятели», то они водились, видимо, на более благоприятной для «либерализма» и «патриотизма» московской почве; но эта «либеральная» группа стояла обособленно от петроградской группы и в общей банковской политике заметного влияния не имела.

Таким образом, уже приведенные данные определяют некоторые разграничения в политических позициях двух главнейших групп промышленной буржуазии.

Но, приходя к основанному на фактах выводу, что именно указанная нами банковская группа стояла в центре государственного аппарата, мы сталкиваемся с необходимостью выяснения ряда вопросов, и прежде всего: почему именно реакционно-фашистская политика, проводившаяся через Распутина и Протопопова Романовыми, может соответствовать интересам рассматриваемой нами группы буржуазии (мы имеем в виду, главным образом, группу, связанную с банками и с металлургической промышленностью).

К этому вопросу, требующему предварительно выяснения некоторых основных положений, мы теперь и перейдем.

¹ Вместе с этим М. Н. Покровский, однако, замечает, что кадеты еще в 1905 году заявляли, что они идут в Государственную Думу, чтобы бороться с революцией, и что, следовательно, «наиболее прогрессивная группа капиталистов уже тогда была открыто контр-революционной».

² См. здесь, стр. 153 — 155.

Что касается «пацифизма» банков, то в этом отношении, хотя бы в работах М. П. Павловича,¹ можно найти ряд примеров того, как европейские банки придерживались более или менее миролюбивой политики.

Из русской практики также можно в этом отношении привести некоторые факты, относящиеся ко времени, непосредственно предшествовавшему войне. Так, например, Вильгельм II в своих мемуарах рассказывает, что, в феврале 1914 г. (когда, по сведениям Вильгельма, Николаем война уже была предрешена), Коковцов, имевший большое значение в банковских кругах, подал Николаю записку, в которой советовал «тесно связаться с Германией», и «предостерегал против войны, которая будет неудачной и приведет к революции и гибели династии».² В мемуарах Гельфериха, который был не только крупным политическим деятелем Германии, но вместе с тем и одним из руководителей «Немецкого Банка» (Deutsche-Bank), рассказывается также, что «русская партия мира», во главе с Коковцовым, перед самым началом войны посылала в Берлин бывшего директора кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдова с директивами воздействовать в берлинском банковском кругу в пользу мирного разрешения конфликта.³ Этот Давыдов в банковском мире значил едва ли не больше самого Коковцова и, в частности, был председателем Русского для Внешней торговли банка, связанного с тем самым «Немецким Банком», который возглавлялся Гельферихом.

Общее объяснение подобным пацифистским настроениям хорошо и кратко сформулировано М. П. Павловичем, слова которого мы здесь и приведем:

«Финансовый пацифизм, — говорит он, — имеет под собой вполне реальные основания. Интернационализация хозяйственной жизни, сплетающая между собою интересы всех более или менее крупных промышленных предприятий нашего времени, с особой силой связывает в одно интернациональное

¹ См. «Собрание сочинений», особенно том I, посвященный «Империализму».

² Вильгельм II. «Мемуары. События и люди». С предисловием А. В. Луначарского. П. 1923 г., стр. 123. — По словам Вильгельма, содержание этой записки было сообщено ему после Брестского мира графом Мирбахом.

³ К. Гельферих. «Накануне мировой войны». Под ред. Ф. Ротштейна. М., 1924 г., стр. 124 — 130. Как отсюда видно, Давыдов действовал в Берлине 26 и 27 июля, то-есть за 4 — 5 дней до общей мобилизации России.

целое современные банки. Правда, очень часто эта интернационализация капитала, процесс образования мирового хозяйства, лишь обостряет конкуренцию между капиталистическими группами различных стран и разжигает международные конфликты, подобно тому, как раньше процесс развития капитализма и роста производительных сил внутри данной страны, процесс образования национального капитализма обострял конкуренцию между предпринимателями внутри данной страны; зато, с другой стороны, эта же интернационализация капитала создает порой общность интересов целого ряда промышленных и финансовых предприятий различных стран, так что потрясение, испытываемое банками одного государства, сейчас же отзывается на другой стране. Помимо того, не следует забывать, что именно крупнейшие банки являются наиболее чувствительными организмами современного мирового и национального хозяйства, и что всякие международные осложнения и войны с особою силой действуют на понижение бумаг именно самых крупных банков и порой даже таких, которые являются как бы финансовыми крепостями данной страны».¹

В другой своей работе «Итоги мировой войны» М. П. Павлович, согласно со своим постоянным тезисом, что металлургия является «основным базисом империализма», по тому же вопросу говорит:

«Международный финансовый капитал, поскольку он не связан с металлургией,² обнаруживает скорее пацифистские тенденции, чем воинственные».³

И, тем не менее, факты приводят нас к тому выводу, что именно из распутинско-протопоповской банковской среды, связанной с металлургической промышленностью, шли пацифистские тенденции.

Для объяснения этого мы остановимся на взгляде М. Н. Покровского относительно существующего мнения о роли в происхождении войны металлургической промышленности.

М. Н. Покровский, говоря о «виновниках войны», задается вопросом: «были ли у русской промышленности буржуазии какие-нибудь основания желать войны?». Отвечая на этот вопрос, М. Н. Покровский говорит, что в этом отношении «прежде всего

¹ М. Павлович. «Собрание сочинений», том I, стр. 101 — 102.

² Подчеркнуто нами.

³ «Итоги мировой войны», 1924 г. Изд-ство «Московский рабочий», — стр. 157.

приходится вспомнить, что годы, непосредственно предшествующие войне, были годами чрезвычайно быстрого подъема русской металлургии». Приводя данные о том, как быстро возростала выплавка чугуна за последнее, перед войной, пятилетие, М. Н. Покровский отмечает, что так называемое немедкое засилье «нисколько не стесняло роста русской тяжелой индустрии». И следовательно: «представлять себе войну, как единственное средство избавления от конкурента, она не имела никакого основания». «Оттого, — говорится далее, — ее представители и обнаружили так мало «патриотизма», когда война началась, и глава московского общества фабрикантов и заводчиков, металлург Гужон (француз по происхождению), удостоился даже от «Русского Слова» титула «предателя» за неуклонное отстаивание интересов германского электрического «Общества 1886 г.».

Далее М. Н. Покровский переносит внимание из области металлургии на русскую текстильную промышленность, но к своим, только-что изложенным нами, замечаниям он делает еще такое добавление, которое, хотя и помещено лишь в выноске, но представляется нам очень существенным.

«Это, конечно, — пишет М. Н. Покровский, — противоречит распространенному у нас мнению, будто металлургия — чуть не главная виновница войны, будто весь шовинистический угар Европы вышел из труб чугуно-плавильных заводов. Объяснение подкупает своей простотой: металлургия изготовляет пушки и броню, на войне стреляют из пушек, действуют броненосцы — кому же, как не металлургам, это может быть выгодно?».

«Не входя, — говорится далее, — в обсуждение этого вопроса во всей его широте (напомним только, что 40 лет европейского мира были как-раз временем пышного расцвета металлургии), для России мы должны указать, что военные заказы у нас в руках немногих привилегированных заводов, находившихся в иностранных руках: «дяди Виккерса», «работающего», по крайней мере отчасти, на романовские капиталы, Шнейдера-Крезю и т. п. Простые смертные, в роде Гужона, больше нажили бы на кровельном железе, чем на броне, — на рельсах, чем на пушках. Им, в данной стадии развития, расширение внутреннего рынка важнее завоевания десяти внешних, — и они слишком хорошо помнят, как обострили железный кризис начала века японская война и революция».¹

¹ М. Н. Покровский. «Внешняя политика». Сборник статей. П. 1919 г., стр. 169.—Статья «Виновники войны», которую мы цитировали,

Таков взгляд, высказанный М. Н. Покровским, который, как видим, отмечая умеренность «патриотического» настроения металлургов, дает вместе с тем этому весьма важному наблюдению вполне понятное экономическое обоснование: непривилегированные заводчики (т.-е. их значительная часть) «больше нажили бы на кровельном железе, чем на броне, — на рельсах, чем на пушках». Основываясь на таком мнении, мы могли бы дать объяснение и тому «пацифистскому» настроению металлургов, о котором мы говорим.

Но о том, что было выгоднее для металлургов — кровельное железо и рельсы и другие «мирные» производства, или же военные заказы, — можно, в известной степени, судить по наблюдению тех изменений, какие оказала война на ценность акций русских металлургических предприятий (а также связанных с ними банков), или по сравнению тех дивидендов, которые получали акционеры этих предприятий до и во время войны. Этот путь, принимая во внимание необходимость учета соответствующего обеспечения стоимости рубля, представляется, однако, весьма сложным и, в конечном итоге, не дающим безусловно точных результатов. Этот вопрос мы пробуем, однако, поставить в приложениях к настоящей книге, и, быть-может, приведенные там данные могут представить экономическое обоснование для «пацифизма» некоторых слоев связанной с банками и металлургической промышленностью буржуазии. Но, как бы ни решать этот вопрос, не подлежит, однако, сомнению, что руководящую роль в банковской политике играл не более или менее широкий слой мелких «держателей акций», а очень небольшая группа¹ крупнейших воротил, располагавших десятками миллионов и связанных с европейскими биржами. Доказать, что эта группа не имела колоссальных барышей от войны, было бы невозможно,

была написана М. Н. Покровским еще в мае 1915 г., т.-е. в конце первого года войны (стр. 162). Необходимо отметить, что позднее — вероятно, под влиянием оценки военных фактов — М. Н. Покровский, видимо, несколько изменил приведенное мнение. Это особенно заметно в его «Очерках по истории революционного движения в России» (стр. 186—187), где автор, говоря о военных прибылях, обращает в этом отношении внимание как-раз на металлургические предприятия: «Во всяком случае,—говорит М. Н. Покровский,—текстильные фабрики оживились всего меньше под влиянием войны, зато металлургия, горное дело, химия чрезвычайно процвели».

¹ Об этом см. приложения.

тем более, что эти воротилы располагали различными приемами, обходя даже интересы рядовых акционеров, захватывать себе значительную часть прибылей. Правда, такие приемы практиковались и в мирное время, и, таким образом, все-таки вопрос — что выгоднее: пушки и броня, или рельсы и кровельное железо — может сохранять свое значение.

Мы принуждены, вследствие намеченных выше причин, упростить попытки разрешения этого вопроса, и потому приведем здесь только несколько общих соображений.

Так, отметим, прежде всего, что в течение всей войны протекало соревнование, с одной стороны, между пушками и снарядами, с другой — между рельсами. Это видно, например, из доклада Штюмера Николаю II, от 9 октября 1916 г.; в кратком положении этого доклада, сделанном самим Штюмером, мы читаем:

«Доложено о положении металлургического дела. Разверстка металлов между артиллерийским ведомством и министерством путей сообщения на октябрь месяц выполнена согласно плану артиллерийского управления. На ноябрь же месяц для нужд артиллерийского ведомства обнаружится нехватка в 1 200 000 пудов металла, необходимого для выработки тяжелых снарядов, что может быть устранено только путем уменьшения количества изготавливаемых для ведомства путей сообщения рельсов. Военный министр, препровождая мне копии письма своего на имя начальника штаба верховного главнокомандующего, обращается к сему последнему с просьбою дать указания о том, возможно ли, сохраняя норму выпуска металла для министерства путей сообщения, сознательно идти на уменьшение выделки снарядов для действующей армии».¹

Последний вопрос, действительно, серьезный, — но кто подстрекал министерство путей сообщения к энергичному железнодорожному строительству? Как мы видели раньше, это были те же заводчики, по инициативе Мануса и Путилова, проводившие тогда через Распутина и А. Ф. Романову железнодорожный заем.² Не подтверждает ли этот факт той мысли, что для Манусов, Путиловых и К^о, действительно, выгоднее было бы изготавливать рельсы, а не снаряды? И не объясняет ли это и «папифистского» настроения той группы металлургов, к которой они принадлежали?

¹ «Монархия перед крушением».

² См. здесь, стр. 131 — 134.

Из числа других примеров, которые мы могли бы привести, возьмем еще только один. В декабре 1916 г. «Торгово-Промышленная Газета» сообщает:

«В последнее время перед металлургическими предприятиями встала новая задача, для разрешения которой предвидится необходимость больших затрат. Мы имеем в виду подготовку заводов к будущему мирному экономическому строительству. В связи с этим четыре крупных металлургических предприятия на юге России заявили о намерении к увеличению своих основных капиталов».¹

Таким образом, мы видим, что, подобно Манусам и Путиловым, и эти заводчики думают не о «войне до конца», а о «мирном строительстве». Это имеет, конечно, такой же смысл, как и выше отмечено.

Надо обратить также внимание на такие факты, как недостаток металла и топлива, ставившие частные металлургические заводы в критические условия.

Вот что, между прочим, говорится по этому поводу в докладе Николаю Н. ген. Алексеева, когда последний летом (15 июня) 1916 г. выступил с проектом учреждения должности «верховного министра государственной обороны» (т.-е. военного диктатора).

«В настоящее время, — пишет Алексеев, — ясно обозначился «металлический голод» на мировом рынке.

«Все, без исключения, работающие на оборону заводы испытывают нужду в металле, которого не хватает даже на текущую потребность. Кроме общих причин недостатка металла на мировом рынке, исключительной трудности доставки его в Архангельск и дальше по России, наступивший кризис объясняется неналаженностью добычи металла в России. У нас неисчерпаемые богатства руды, угля и флюсов. Но, вместо широкого развития добычи металлов, столь нам необходимых, в Донецком районе из 62 домен уже потушены 17 и, как оказывается, из-за того, что не могут подвезти угля, руды и флюсов, находящихся в том же районе, и получить несколько тысяч рабочих рук... При таком угрожающем, почти трагическом положении вопроса о металле, конечно, нельзя рассчитывать на увеличение подачи снарядов и патронов».

В частности, в связи с этим Алексеев приводит такие факты:

«На теперешнюю производительность заводов артиллерийского ведомства и Путиловского завода, — говорит Алексеев, — запа-

¹ «Торгово-Промышленная Газета», № от 6 декабря 1916 г.

сов топлива и металлов может хватить лишь на несколько дней; генерал Маниковский тщетно добивается предотвратить остановку Луганского патронного завода, которому необходимо подать минимальное, хотя бы, количество нефти, купленной, готовой и ожидающей очереди отправки в Баку. Обуховский завод морского ведомства также крайне нуждается в подвозе топлива и металлов. Частные же заводы поставлены в отношении топлива и материалов в несравненно худшие, прямо критические условия».

Эти данные ясно говорят о том кризисе металла, который стал тогда наступать, и обострение этого кризиса едва ли могло быть в интересах значительного числа промышленников-металлургов; улучшение же этих критических условий, — как, надо думать, они рассчитывали, — могло быть достигнуто только при возвращении к мирному порядку.

К этому надо прибавить, что даже те слои промышленной буржуазии, которые действительно колоссально наживались на войне, не могли не понимать, что полное расстройство транспорта, отсутствие топлива, сырья, наконец, общее разложение народного хозяйства, не могли в конце концов не привести к какому-то кризису; акционеры банков лучше чем кто-либо другой, конечно, знали, что трагический для них биржевой кризис неминуем. Именно потому уже в 1916 году началась перекачка денег из русских банков за границу; другие же предприниматели, имевшие дело с за-границей, даже и прямо сохраняли «остатки» от своих операций по экспорту и импорту на текущих счетах заграничных отделений русских банков; конечно, наибольший размер такая «перекачка» приобрела уже после революции, но существование этого явления еще в 1916 г., во всяком случае, является характерным симптомом.

Немудрено поэтому, что, даже несмотря на военные прибыли, промышленники были настроены тревожно. Вот, что, например, пишет Палеолог, еще в июне 1915 г., про настроения одного из крупнейших финансовых воротил, не раз нами уже упоминавшегося, Путилова:

«Дни царской власти, — говорил уже тогда Путилов, — сочтены, она погибла, погибла безвозвратно; а царская власть — это основа, на которой построена Россия, единственное, что удерживает ее национальную целостность... Отныне революция неизбежна; она ждет только повода, чтобы вспыхнуть».

Далее Путилов объясняет, что все-таки «революция может быть большим благополучием для народа, если, разрушив, она сумеет построить вновь», — и с этой точки зрения революции во Франции и в Англии кажутся ему «скорее благотворными». Не то, однако, в России:

«У нас, — скорбит Путилов, — революция может быть только разрушительной, потому что образованный класс представляет в стране лишь слабое меньшинство, лишенное организации и политического опыта, не имеющее связи с народом... Сигнал к революции дадут, вероятно, буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая этим спасти Россию. Но от буржуазной революции мы тотчас перейдем к революции рабочей, а немного спустя — к революции крестьянской.

«Тогда начнется ужасающая анархия, бесконечная анархия... анархия на десять лет... Мы увидим вновь времена Пугачова, а может-быть, и еще худшие...».¹

Это сознание неизбежности «анархии», несомненно, разделялось тем слоем буржуазии, к которому принадлежал Путилов, и укрепляло мысль о необходимости мира, чем, предполагалось, можно будет предотвратить ненавистную революцию.

Отмеченные нами мотивы могут дать некоторую почву для объяснения «пацифизма», как банков, так и связанной с ними группы металлургической промышленности; но к этим мотивам нужно прибавить еще один — основанный на интересах не столько русского, сколько германского капитала, проявившего через некоторые русские банковские группы свое стремление к сепаратному миру.

О роли в русских банках иностранного, и в частности германского, капитала мы уже говорили в очерке «Банки и Распутин». Нам остается теперь лишь подчеркнуть, что в русской промышленности вообще влияние капитала германского было, как известно, значительно ниже роли капитала «союзного». При этом, — как указывает исследователь данного вопроса Оль, — в отличие от капиталов «союзных» государств и нейтральных, монополизировавших отдельные отрасли русской промышленности, «германские капиталы направлялись в русские промышлен-

¹ Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны», стр. 232—233. — Палеолог означает имя «виднейшего русского заводчика-металлурга и финансиста» только буквой «П», но не подлежит сомнению, что это именно Путилов, упоминаемый и в других местах мемуаров Палеолога.

ные предприятия гораздо более равномерно», за исключением, впрочем, химической и электротехнической промышленности, где германский капитал играл преобладающую роль. Но, по словам Оля, — «наибольшее значение имели германские капиталы, вложенные в русские коммерческие банки: они оказывали существенное влияние на политику наших коммерческих банков и, через них, оказывали влияние на развитие отдельных отраслей промышленности».¹

И, прибавим от себя, не только на политику банков, но и на политику царской России вообще.

В этом отношении, помимо банков, заметна и роль крупнейших германских трестов и концернов, в частности электрических.² Примеры этой роли мы видели, между прочим, на обстоятельствах назначения министром внутренних дел А. Н. Хвостова, — также на организации, по инициативе Стиннеса, «стокгольмского свидания» Протопопова с Варбургом, последствием чего, несомненно, было и назначение Протопопова министром. Эти примеры весьма характерны: они показывают, что, хотя германский капитал и не играл в экономической жизни России преобладающего значения, но он имел пути к непосредственному, даже во время войны, воздействию на аппарат русской государственной власти. Эти пути, как мы говорили, шли через Распутина и окружавших его банковских дельцов, — и, конечно, поскольку в проводимую ими политическую линию входили элементы непосредственного германского воздействия, «пацифизм» такого рода был простым орудием германского империализма.

Вместе с тем, понятно, что это воздействие германского капитала было гораздо меньше той роли, которую играл англо-французский капитал в своем влиянии, как на империалистскую политику царской России, как на руководство русской армией, так и на широкие слои русской буржуазии, которые во что бы то ни стало стремились к войне «до конца». Тем не менее, бой двух главных империалистских групп — англо-французской и германской — протекал не только на полях сражений, но и в организации капиталистическо-молодой России, в военной политике которой отражалось соревнование враждующих могущественных европейских трестов.

¹ Оля. «Иностранные капиталы в России», стр. 99; там же, стр. 79.

² О германских электрических трестах и о их филиалах в России см. в приложениях (к главе «Банки и Распутин»).

Таким образом, как мы видим, «пацифистская» линия распу-тинско-романовской политики была основана на различных, переплетающихся между собой, сложных мотивах. Определяя эти мотивы, мы старались, вместе с тем, наметить и те социальные группы, которые поддерживали эту «пацифистскую» линию: в общем, это были численно небольшие, но очень могущественные группы, представлявшие собою союз некоторых слоев крупного землевладения и крупного промышленного (также банкового) капитала.

Рассматриваемые нами «пацифистские» группы, как мы видели, стали подходить к власти не ранее чем через год после начала войны. «Поворотным этапом» царской политики, согласно нашему взгляду, является момент увольнения в. к. Николая Николаевича и, в известной мере связанный с этим, разгон Государственной Думы (в сентябре 1915 г.). Эти мероприятия отстранили претензии на приближение к государственному аппарату либеральной буржуазии и открыли доступ к нему пацифистски-реакционным ее слоям, которые, постепенно отстраняя империалистские элементы, в конце концов почти овладели государственным аппаратом. Таким образом, дальнейшие наскоки на власть либерально-империалистской буржуазии имели своей главной целью овладение государственным аппаратом, путем свержения «темных сил» и установления «министерства общественного доверия».

Эти стремления либеральной буржуазии были тем более естественны, что, организовавшись в «союзы» земств и городов, в «военно-промышленные комитеты», укрепившись в «думах», либеральная (промышленная) буржуазия фактически распоряжалась уже всей военной экономикой страны. Только верхушка власти не была в ее руках, и, вопреки интересам широких слоев буржуазии, направляла дело к сепаратному миру. Естественно, что это вызвало сначала «осаду власти», а потом, когда эту власть поколебать не удалось, и планы дворцовых переворотов, имевших целью устранить Николая II и Распутина и водворить на их место какого-либо другого, более приемлемого для империалистской буржуазии, Романова.

Отражение борьбы двух течений—либерально-империалистского и реакционно-пацифистского—проявилось, между прочим, на сменах и назначениях министров. Это вовсе не была какая-то беспорядочная «чехарда»,—тут имелась своя система. Поставив к власти Штюрмера, распутинская группа вместе с тем

стремилась к тому, чтобы придать «кабинету» однородный, реакционно-нацифистский характер; но делать это надо было (из боязни империалистской буржуазии) осторожно, постепенно; приходилось временно мириться с либерально-империалистскими элементами (в роде Сазонова, пользовавшегося «уважением» союзников). Однако, постепенно эти элементы устранялись, и их места занимались или кандидатами распутинской группы или же людьми беспринципными, готовыми играть какую-угодно роль. Когда же скрытые цели такой механики обнаруживались более чем следовало, приходилось убирать нужных людей и заменять их лицами более или менее приемлемыми для противной стороны: таков, например, был смысл отставки Штюрмера и замена его (в ноябре 1916 г.) Треповым, который хотя и был реакционером, но все-таки мог бы примириться с империалистской буржуазией на принципе «войны до конца». Но это была половинчатая позиция, не удовлетворявшая ни ту, ни другую сторону, — потому Трепова убрали, а на его место назначили бесцветного князя Голицына, которому пришлось быть уже последним председателем совета министров.

Говоря о борьбе двух групп буржуазии, реакционно-нацифистской и либерально-империалистской, мы не можем обойти и еще одного вопроса: что было основным мотивом этой борьбы? Во имя чего империалистская буржуазия, из всех сил стремившаяся помочь правительству в ведении войны, подвергалась преследованиям: ради ли своего, сведенного до минимума, либерализма, или именно потому, что эта буржуазия требовала «войны до победного конца»?

Этот вопрос может допускать только предположительное решение, но, во всяком случае, есть значительные основания думать, что основным мотивом преследований был не «либерализм» противной стороны: Романовы хорошо знали, что империалистская буржуазия стремилась во время войны быть с правительством в «священном единении», и, если она и становилась в оппозицию к власти, то это вызывалось лишь сомнением в ее способности успешно вести войну.

Итак, основным пунктом была война, значит и нужно было бить, прежде всего, за «воинственность».¹ Этот мотив, как мы думаем, и был основным в той борьбе, которая велась

¹ См. также здесь, стр. 27—28.

распутинской властью с «прогрессивным блоком», «союзами» и вообще со всей либерально-империалистской буржуазией.

Оценивая происходившую борьбу, мы можем также заметить, что сама верхушка власти — «трон» — была в одно и то же время точкой приложения двух борющихся сил. Этот «трон», в сущности, был «троичен в лицах»: на нем восседали трое: Николай, Александра Федоровна и Распутин. Если двое последних представляли здесь «пацифистское» течение, то сам Николай, хотя и колебался под его ударами, но все-таки, уже в силу своего положения, не мог не возглавлять империалистские стремления русской буржуазии.

Однако, несмотря на такую раздвоенность власти, поскольку главенствующую роль играла перед революцией «пацифистская» группа, мы можем стремление к сепаратному миру — к «повороту мировой политики» — считать основной, руководящей линией этой распутинско-романовской политики.

Последний бой империалистской буржуазии с «пацифистскою» группою намечался уже тогда, когда над всеми слоями буржуазии обнаружилась угроза революции народных масс. Тогда и та и другая группа буржуазии, стараясь преодолеть выступление общего врага, пролетариата, пытались организовать государственный переворот, при чем у «пацифистской» группы он связывался с вопросом о сепаратном мире, у империалистской — с стремлением к войне «до конца».

Первый план, предусматривавший, между прочим, роспуск Государственной Думы и превращение ее в «законосовещательное» учреждение, был уже рассмотрен нами в очерке «Романовы и сепаратный мир». Этот план, одобренный и Николаем II, непосредственно вышел из кружка «правых» Римского-Корсакова; кружок же этот, как мы видели, был связан и с «пацифистской» финансовой группою (Манус и К⁰).¹ План этот, возвращавший самодержавие к его «чистой» форме, открывал теоретическую возможность и для союза с Германией.

Противоположный этому план имел целью предотвращение сепаратного мира и «войну до конца». Кроме кружка руководителей «объединенного дворянства», замышлявших, во главе с Родзянко, введение дворянской диктатуры, было еще две группы, подготовлявших такой переворот. Руководителем одной, в которую входили преимущественно офицеры, был генерал Кры-

¹ См. здесь, стр. 66 — 69 и 139 — 140.

мов, намечавший, совместно со своим отрядом, план нападения на царский поезд во время поездки Николая II в «ставку»; предполагалось предложить ему отречься от престола, — если же он откажется, «физически его устранить», провозгласив царем наследника Алексея, а регентом брата Николая, Михаила Александровича. Эта группа, в лице офицерского отряда, представляла физическую силу для переворота; государственную же власть, после его совершения, должна была, очевидно, взять другая группа, хотя и «работавшая» отдельно от первой, но через некоторых участников осведомленная о ней. Ядро этого второго кружка составляли некоторые члены «прогрессивного блока», в том числе и значительное число из тех лиц, которые потом вошли в состав первого «временного правительства». Этот кружок, подобно кружку Крымова, также поддерживал мысль о необходимости водворения на престол Алексея, с регентством Михаила.

Примыкавший к этому кружку Милюков, признавая, что «главным мотивом», которым руководились «парламентские круги, делавшие оппозицию правительству», было «желание довести войну до конца в согласии с союзниками и всё возрастающая уверенность в том, что при данном правительстве эта цель не может быть достигнута», именно этим объясняет участие представителей «блока» в плане указанного дворцового переворота; вместе с тем Милюков «оправдывает» себя от всякой прикосновенности к революции. Целью упомянутого кружка было, таким образом, обеспечение продолжения войны «до конца», и лишь средством для того, чтобы достигнуть этой цели, был намечавшийся переворот. Но, вместе с тем, к этому присоединялась и другая цель — предотвращение революции народных масс: буржуазия была уверена, что произведенный ею дворцовый переворот парализует революционное движение. Эта, вторая цель наглядно видна из следующих слов Милюкова: «против идеи, — говорит он, — достигнуть этой цели (ответственного министерства) революционным путем парламентское большинство боролось до самого конца. Но, видя, что насильственный путь будет все равно избран и помимо Государственной Думы, оно стало готовиться к тому, чтобы ввести в спокойное русло переворот, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху».¹

¹ П. Милюков. «История второй русской революции». 1919 г., стр. 22.

Последние слова Милюкова лишний раз показывают, насколько боялась даже так называемая либеральная буржуазия революции,—и, таким образом, все слои буржуазии соединились в отношении к ней на общем чувстве классового страха. Но либеральная буржуазия, однако, не замечала, что, преследуя сразу две отмеченные цели, она попадала в нелепое, противоречивое положение: ибо, настаивая на войне «до конца», буржуазия уже этим более всего разжигала то революционное движение масс, подавить которое, вместе с тем, она стремилась.

И планы либеральной буржуазии и чаяния крайних «правых», естественно, поддерживались теми государствами, к которым обращали они свои надежды.

Германские империалисты, жизненно заинтересованные в сепаратном мире, постоянно (в частности, и при попытках к сепаратному миру) указывали Романовым на противоестественность союза монархической России с республиканской Францией, противопоставляя этому целесообразность союза России и Германии, создававшего «прочный оплот» монархического начала в Европе; вместе с тем германцы рассчитывали подчинить таким путем Россию и экономической зависимости от германского капитала.

С другой стороны, империалисты «союзные» благосклонно смотрели на борьбу либеральной буржуазии с властью, и когда Романовы стали обнаруживать некоторое колебание в вопросе о верности «союзникам», последние, боясь заключения сепаратного мира, были не против того, чтобы в России произошел маленький переворот, который приблизил бы к кормилу власти эту самую либеральную буржуазия, непоколебимую в своей готовности вести войну «до конца» во славу интересов «союзного» капитала.

Вот как, например, поощрял Ллойд-Джордж русскую либеральную буржуазия в одной из своих речей, произнесенной 5 августа 1915 г., т.-е. уже в то время, когда, с одной стороны, царская армия потерпела крупные поражения, а с другой, стали распространяться известия о возможности сепаратного мира:

«На востоке небо еще темно и пасмурно, звезды застилаются тучами. Я с беспокойством смотрю на этот предвещающий бурю горизонт, но не страшусь его. Сегодня я видел проблески новой надежды, озаряющей небо. Неприятель в своем победоносном шествии не ведает, что творит. Пусть он остережется, потому что он снимает оковы с русского народа. Своей чудовищ-

ной артиллерией германцы разбивают вдребезги ржавые оковы, в которые закован русский народ. Он расправляет свои могучие члены, сбрасывает с себя душившие его развалины старого здания и готовится к борьбе, преисполненный новой силы. Я повторяю, враг не сознает, что он делает для России. Австрия и Германия делают сейчас для России то же, что их военные предки когда-то так неразумно осуществили для Франции. Они куют меч, который сокрушит их самих, и освобождают великий народ; этот народ возьмет в свои руки меч и могучим взмахом нанесет самый сильный удар, который он когда-либо наносил».¹

В сравнении с этими портическими словами, где, очевидно, помимо воли оратора, есть несколько мыслей, оказавшихся пророческими,² совсем прозаически звучит связанная с тем же вопросом речь другого англичанина посла в России, Бьюкенена, произнесенная 1 января 1916 г.: Бьюкенен в этой речи, обращенной к членам английской колонии, указывает им на «крайнюю необходимость производства подготовительной работы для занятия того места, которое Германия занимала здесь (в России) до сих пор. Русская империя, — подчеркивает он, — являет собой огромный рынок для сбыта всех видов английских товаров...». После этих слов, где так наглядно обнаруживаются стремления английского капитала, следовало, однако, разъяснение, что указанная цель войны — борьба за рынки — является войной «за великие принципы правды и справедливости...».³

Итак, когда русская буржуазия вырабатывала планы переворота, всё это внимательно учитывалось, с одной стороны — германской, с другой — англо-французской буржуазией: германцы надеялись, что сепаратный мир с Россией приведет ее к союзу с Германией, англичане и французы верили, что приход к власти либеральной буржуазии обеспечит еще большее подчинение России англо-французскому капиталу.

¹ Ллойд-Джордж. «Речи, произнесенные за время войны». П. 1916 г., стр. 210 — 211.

² Мы имеем в виду указание на то, что русский народ «нанесет самый сильный удар, который он когда-либо наносил». Ллойд-Джордж не предвидел, однако, что этот, нанесенный русскими народными массами, удар будет направлен не только против царизма, но против всего капиталистического строя.

³ «Речь», № от 3 января 1916 г.

В России произошла революция. У власти стала та самая либеральная буржуазия, которая была готова «до конца» служить интересам англо-французского капитала. Но рабочий класс, который, вопреки этой буржуазии, произвел революцию, не мог быть орудием борьбы ни русских, ни германских, ни «союзных» капиталистов. Октябрьская революция прекратила войну. Советская власть в Бресте заключила сепаратный мир с германскими империалистами.

Но для чего пошел русский пролетариат на этот мир? Для победы над германским империализмом, для торжества социалистической революции.

Таким образом, сепаратный мир Советской России с Германией, блестяще оправданный уже фактом германской революции, разорвавшей и брестский договор, являлся лишь одним из этапов для великого поворота, — но не от Антанты к Германии, — а от мирового капиталистического строя к строю коммунистическому.
